PL 408
.3
.B6



U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925



Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ПАМЯТНИКИ

МОНГОЛЬСКАГО КВАДРАТНАГО

ПИСЬМА

ОБЪЯСНЕННЫЕ

А. А. Бобровниковымъ

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

В. В. Григорьева.

LIBRARY OF CONGRESS
363 668
JUN 14 1897
SMITHSONIAN

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН. № 12.)
1870.

PL408
.3
.B6

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

ГРАМОТЫ

ВДОВЫ ДАРМА-БАЛОВОЙ И БУЯНТУ-ХАНА, ПИСАННЫЯ КВАДРАТНЫМЪ ПИСЬМОМЪ,

съ присовокупленіемъ общихъ замѣчаній объ этомъ письмѣ и догадокъ о значеніи надписи на Мангутской Пещерѣ.

А. А. Бобровникова, съ дополненіями **В. В. Григорьева.**

[«Квадратнымъ письмомъ», по-монгольски дӧрбельджинъ ӱсӱкъ, называются, какъ извѣстно, письмена изобрѣтеніе которыхъ приписывается Пагба-ламѣ, и которыя введены были оффиціально въ употребленіе указомъ императора Хубилая въ 1269 году по Р. Х[1]. Монгольскіе писатели, говоря объ этихъ квадратныхъ письменахъ, замѣчаютъ что онѣ «не могли быть употреблены при переводѣ на монгольскій языкъ, съ тибетскаго или санскритскаго, духовныхъ буддійскихъ книгъ»[2], подъ чѣмъ слѣдуетъ понимать что въ озна-

[1] См. у Малья, въ Histoire générale de la Chine, Paris, 1770, vol. IX, p. 310; въ русскомъ переводѣ манифестъ этотъ помѣщенъ у о. Іакинѳа въ его «Запискахъ о Монголіи», т. I, стр. 203, и въ «Статистическомъ Описаніи Китайской Имперіи», т. II, стр. 62.

[2] «Монгольская Хрестоматія» Ковалевскаго, т. II, стр. 84 и 402.

ченныхъ письменахъ недоставало знаковъ для точной транскрипціи звуковъ тибетскаго и санскритскаго языка встрѣчающихся въ словахъ и именахъ которыя, при переложеніи буддійскихъ текстовъ на монгольскій языкъ, приходится оставлять безъ перевода, въ ихъ оригинальномъ видѣ. Изъ европейскихъ орьенталистовъ, Абель-Ремюза, въ 1820 году, замѣтилъ что письмена эти употреблялись только въ Тибетѣ[1]. Шмидтъ, въ 1824 году, утверждалъ что, несмотря на императорскій указъ о которомъ сказано, онѣ рѣшительно никогда не были употреблены въ дѣло[2]. Послѣдующія открытія и розысканія показали что означенныя утвержденія были не болѣе какъ предположенія лишенныя основанія.

Въ 1837 году, вѣнскій орьенталистъ Эндлихеръ первый познакомилъ Европу съ монетами династіи Юань легенды которыхъ изображены квадратнымъ письмомъ[3]. Значительное число такихъ же монетъ изъ собранія барона Шодуара обнародовано было, вслѣдъ за тѣмъ, нашимъ китаистомъ, г. Леонтьевскимъ[4]; а въ 1839 году, нѣмецкій орьенталистъ К. Фон-деръ-Габеленцъ издалъ, въ подлинникѣ и съ переводомъ, уже длинный документъ этими письменами — ярлыкъ импе-

---

[1] Recherches sur les langues tartares, I, 193.

[2] Forschungen im Gebiete der älteren Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, s. 129.

[3] Въ Verzeichniss der chines. u. japan. Münzen des k. k. Münz- u. Antiken-Cabinets in Wien. Wien, 1837, ss. 45 u. 79.

[4] Въ Recueil des monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée etc., publié par M. de Chaudoir. St.-Pétersbourg, 1842.

ратора той же юаньской династіи, Буянту-хана[1]. Въ 1846 году сдѣлалось извѣстнымъ, изображенное тѣмъ же письменами, паизѐ, или бай-цзы[2]; а въ 1853 нашлось и обнародовано было другое такое же паизѐ[3]. Такимъ образомъ стало несомнѣннымъ что «квадратное письмо» дѣйствительно употреблялось въ Китаѣ, если не для частныхъ, то для правительственныхъ надобностей.

Но стало это несомнѣннымъ лишь для русскихъ и нѣмецкихъ орьенталистовъ. Французскіе ни о чемъ изъ вышеизложеннаго не знали. Потому, когда въ 1859 году доставлены были въ Парижское Азіатское Общество найденныя на островѣ Ява двѣ юаньскія монеты съ легендами квадратнымъ монгольскимъ письмомъ, и Общество нарядило, для изслѣдованія этихъ монетъ, особую коммисію изъ гг. Ренò, Дюлорье, Родѐ

---

[1] Въ Zeitschrift für die Kurde des Morgenlandes, II-ter Band, 1839, ss. 1—21. Ярлыкъ этотъ перепечаталъ Габеленцъ изъ китайскаго сборника надписей, подъ заглавіемъ: Chi-me-tsiouen-hoa (по сѣверному произношенію — Ши-мо цзянь-хуа) изданнаго въ Китаѣ, въ 1618 году, гдѣ помѣщенъ онъ совмѣстно съ китайскимъ его переводомъ.

[2] Паизѐ это, найденное въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи, и хранящееся нынѣ въ Императорской Академіи Наукъ, издано было въ текстѣ, съ русскимъ переводомъ покойнаго о. архимандрита Аввакума, мною, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за 1846 годъ.

[3] Это паизѐ, найденное тоже въ Сибири, именно въ Нюкскомъ селеніи Верхнеудинскаго округа Забайкальской области, описано покойнымъ П. С. Савельевымъ въ «Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археологическаго Общества», часть II (1856), стр. 161—165. На храненіе препровождено было въ Музей Императорскаго Эрмитажа.

и Потьѣ, коммисія эта, признавъ что легенды изображены письменами Пагба-ламы, высказала при этомъ будто «означенныя монеты суть единственные въ Европѣ документы свидѣтельствующіе о существованіи помянутыхъ письменъ», и будто «письмена это только на монетахъ и употреблялись»[1]. Когда-же, въ 1861 году, увѣдомилъ я Общество о существованіи другихъ разнаго рода памятниковъ изображенныхъ квадратными письменами[2], то, вслѣдъ за этимъ, хотя и независимо отъ моего сообщенія, явилась въ Journal Asiatique статья г. Потьѣ о письменахъ Пагба-ламы[3], новыми китайскими текстами подтвердившая употребленіе ихъ въ Китаѣ при юаньской династіи. Наконецъ, въ томъ же журналѣ нашла мѣсто статья г. Уайли (Wylie)[4], въ которой онъ, давъ новую транскрипцію и новый переводъ ярлыка Буянту-хана, объявилъ что ему изъ разныхъ китайскихъ сочиненій извѣстно о существованіи около тридцати подобныхъ каменописныхъ памятниковъ монгольской письменности изъ временъ юаньской династіи. Въ этой же статьѣ г. Уайли выписано предисловіе къ ярлыку Буянту-хана, которымъ сопровождается онъ въ сборникѣ «Ши-

---

[1] Journal Asiatique за 1860 годъ, апрѣльско-майская книжка, стр. 321—337.

[2] См. тамъ же, въ апрѣльской книжкѣ за 1861 годъ

[3] De l'alphabet de Pa-sse-pa etc., въ январьской книжкѣ за 1863 годъ.

[4] подъ заглавіемъ: Sur une inscription mongole en caractères Pa-sse-pa — въ іюньской книжкѣ того же журнала за 1862 годъ, стр. 461—471.

мо-цзянь-хуа». Въ предисловіи этомъ говорится: «Въ молельнѣ Чжунъ-янъ Вань-шеу находилось безчисленное множество дощечекъ (tablettes) изъ временъ юаньской династіи, съ надписями монгольскими письменами, вмѣстѣ съ китайскимъ ихъ переводомъ.... По прошествіи множества лѣтъ, городъ (въ которомъ эта молельня) пришелъ въ разрушеніе, и власти, считая дощечки эти предметами посторонними зданію, дали имъ другое употребленіе. Въ настоящее время тамъ всего пять-шесть такихъ дощечекъ; всѣхъ ихъ списать я не могъ, а потому и ограничился сообщеніемъ надписи на одной изъ нихъ, съ переводомъ (на китайскій языкъ)». *В. Григорьевъ.]*

Грамота, приписываемая вдовѣ Дарма-балы, матери Хайсанъ-Кўлўкъ хана, который возвелъ ее въ императрицы, открыта въ 1830-хъ годахъ въ Китаѣ, изсѣченною на камнѣ въ буддійскомъ монастырѣ въ Бао-динъ-фу, главномъ городѣ провинціи Чжи-ли, въ 330 ли (165 верстъ) отъ Пекина. Содержанія этого памятника не могли объяснить тогда въ Кишаѣ, по неизвѣстности никому письменъ его. О. Аввакумъ разобралъ эту грамоту, при помощи тибетскаго алфавита и найденнаго вскорѣ затѣмъ, въ китайскихъ архивахъ, китайскаго ея перевода[1], и, еще находясь въ Китаѣ, сдѣлалъ съ нея нѣсколько снимковъ, изъ коихъ одинъ находится въ библіотекѣ Азіатскаго Департа-

[1] «Монгольская надпись временъ Мёнгкэ-Хана» и проч. СПб. 1846, стр. 19.

мента, и значится по каталогу, составленному имъ же о. Аввакумомъ[1], на стр. 82, подъ № 499; другой былъ подаренъ о. Аввакумомъ покойному Банзарову[2], который обязался издать его съ филологическими и историческими объясненіями, но не успѣлъ этого исполнить, и, передъ отъѣздомъ своимъ въ Иркутскъ, оставилъ снимокъ этотъ мнѣ. Предоставляю это наслѣдіе, въ честь о. Аввакума и въ память Банзарова, Имп. Археологическому Обществу, сопровождая его посильными моими объясненіями.

Снимокъ этотъ сдѣланъ на листѣ толстой китайской бумаги, шириною въ аршинъ безъ вершка, длиною въ два аршина съ вершкомъ, и заключаетъ въ себѣ, подъ шестью квадратами заглавія, шестнадцать вертикальныхъ строкъ текста. Въ трехъ мѣстахъ снимка находятся китайскіе значки обозначающіе мѣсто печати на подлинной грамотѣ. Строки текста начинаются не съ одинаковой высоты, именно титулы императорскіе, слово «небо», и слово «грамота», вынесены выше строкъ остальнаго текста, а перечисленіе лицъ которымъ эта грамота даетъ повелѣніе — расположено ниже строкъ текста.

Такое расположеніе строкъ — затруднявшее Габеленца при реставраціи ярлыка Буянту-хана, изданнаго

---

[1] «Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ на Китайскомъ, Маньчжурскомъ, Монгольскомъ, Тибетскомъ и Санскритскомъ языкахъ, находящимся въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента. СПб. 1843, 8⁰.

[2] О Банзаровѣ см. біографію его, составленную П. С. Савельевымъ, въ «Трудахъ» Восточнаго Отдѣленія Имп. Археолог. Общества, т. II, стр. 128—160.

имъ по китайской книгѣ, гдѣ подлинное расположеніе строкъ не соблюдено — перенято Монголами отъ Китайцевъ, и извѣстно изъ грамотъ Аргунъ-хана, Улдзейту-хана, Тохтамыша и другихъ лицъ, писанныхъ уйгурскимъ алфавитомъ.

За точность настоящаго снимка съ изображеніемъ грамоты на камнѣ ручается авторитетъ о. Аввакума. Несмотря на то, въ снимкѣ этомъ, при внимательномъ его разборѣ и при сличеніи съ ярлыкомъ Буянту-хана, открываются описки, которыя, можетъ быть, сдѣланы еще рѣщикомъ, переносившимъ подлинную грамоту на камень.

Время написанія подлинной грамоты обозначено въ ней годомъ «курицы», который, по соображенію съ годами царствованія Хайсанъ-Кўлўка (1307—1311), падаетъ на 1309-й годъ нашей эры. Годъ-же написанія ярлыка Буянту-хана, названный въ немъ годомъ «барса», справедливо опредѣленъ у Габеленца 1314-мъ годомъ. Такимъ образомъ эти два археографическіе памятника почти современны. Этимъ объясняется одинаковый ихъ языкъ, одинаковое содержаніе, и почти буквально одинаковая форма изложенія. Этой же близости памятниковъ по времени должно, по всей вѣроятности, приписать и то, что оба льготные ярлыка даны однѣмъ и тѣмъ же духовнымъ лицамъ, или ордену — Сеншіутамъ, очевидно пользовавшимся въ этотъ періодъ времени особеннымъ уваженіемъ при Пекинскомъ Дворѣ.

Кто такой эти Сеншіуты? Оба памятника перечи-

сляютъ, какъ параллельныя и равно покровительствуемыя китайскимъ правительствомъ, вѣроисповѣданія, или секты: Доитъ, Эркэутъ и Сеншіутъ. Что Сеншіуты — Буддисты, не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что грамота вдовы Дарма-баловой найдена изсѣченною на камнѣ въ буддійскомъ монастырѣ. По тѣсной связи въ обоихъ памятникахъ Доитовъ и Эркэутовъ съ Сеншіутами, и въ-особенности потому что всѣмъ имъ приписывается одно занятіе: «Небу молиться и обѣты (иругэръ — терминъ чисто буддійскій) раздавать», необходимо заключить что, какъ Доиты, такъ и Эркэуты — тоже Буддисты.

Но что̀ это за дѣленіе Буддистовъ на три секты, или школы? Извѣстно что въ Индіи Буддисты раздѣлялись на четыре школы: Вайбашиковъ, Саутрантиковъ, Іогачаріевъ и Мадьямиковъ, которыя по-монгольски называются: Убэрминца ӱгӱлэкчи, Судурунъ аймакъ танъ, Тэннъ ухакчи (или Сэткилунъ тэдуйкэнъ тэнъ) и Тубъ ӱдзэлтэнъ (или Мунъ чинаръ ӱгэй ӱгӱлэкчи). Я не знаю китайскихъ названій этихъ школъ, но очевидно что названій Доитъ, Эркэутъ и Сеншіутъ нельзя найти, ни въ санскритскихъ, ни въ монгольскихъ названіяхъ четырехъ буддійскихъ школъ. Полагаю что будетъ напрасный трудъ искать ихъ и въ китайскихъ названіяхъ четырехъ основныхъ буддійскихъ школъ: уже одно то, что въ нашихъ памятникахъ Буддисты дѣлятся на три, а не на четыре школы, даетъ основаніе заключать что это дѣленіе — не индѣйское.

Ближе всего видѣть въ Доптахъ, Эркэутахъ и Сэншіутахъ—три буддійскія школы образовавшіеся въ Китаѣ, независимо отъ извѣстнаго индѣйскаго раздѣленія Буддистовъ, хотя конечно подъ вліяніемъ тѣхъ же основныхъ идей и преданій Буддизма которыя въ Индіи развились въ четыре школы. Вотъ что̀ сообщаетъ намъ объ этихъ школахъ о. Гурій[1].

«Будда не положилъ различія между общежительными убѣжищами: для всѣхъ далъ одинъ уставъ. Но въ Китаѣ есть изъ нихъ убѣжища «созерцательныя» (Цзунъ-ся), «изъясняющія книги» (Цзяо-ся) и «подвижническія» (Люй-ся). Говорятъ что это раздѣленіе въ Китаѣ совершилось очень рано и почти въ одно время. Начальствующій въ убѣжищѣ на горѣ Тяньтай, по имяни Дама (Бодидарма), опытный въ созерцаніи, замѣтивъ недостатокъ этой важной части въ Буддизмѣ, предписалъ своему братству исключительное упражненіе въ созерцаніи; между-тѣмъ начальствующій въ убѣжищѣ Цы-энь, знаменитый Сюань-Цзанъ, искусный переводчикъ и толкователь книгъ, увлекъ своихъ сподвижниковъ къ изъясненію книгъ, такъ-что это занятіе сдѣлалось для нихъ главнымъ. А Фа-Цзанъ, начальствующій въ убѣжищѣ Сянь-шоу, отличный знатокъ винай (устава), заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ подвижничество. Впрочемъ, это различіе не нарушаетъ цѣлости ихъ общества. Всѣ они

---

[1] Въ «Трудахъ членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ». Томъ II, стр. 214.

пользуются однѣми и тѣми же книгами, учатъ одному и тому же, и смотрятъ другъ на друга рѣшительно какъ на родныхъ братьевъ. Жившій въ одномъ какомъ-нибудь изъ этихъ убѣжищь, если-бы вздумалъ перейти на житье въ другое которое-либо, всегда принимается безъ малѣйшаго противорѣчія. Есть одно только между ними довольно-замѣтное различіе. Созерцательные всѣ носятъ усы и бороду, тогда-какъ прочіе, по подражанію Буддѣ — брѣются». Къ этому свѣдѣнію о буддійскихъ школахъ въ Китаѣ о. Гурій, въ выноскѣ, присовокупляетъ: «Буддійскіе отшельники раздѣляются на три ордена (дома). Упоминаемые здѣсь три знаменитыхъ лица суть главы этихъ орденовъ. Принимающій обѣты въ извѣстномъ орденѣ причисляется къ нему какъ потомокъ въ извѣстномъ колѣнѣ».

«Обѣтъ», по-монгольски иругэръ — терминъ употребляющійся въ обоихъ памятникахъ, но глаголъ при немъ, öккö (ӱккӱ), значитъ «дать», тогда-какъ въ буддійскомъ монгольскомъ языкѣ за словомъ иругэръ долженъ слѣдовать глаголъ талбиху, «положить». Особенность выраженія иругэръ öккö объясняется тою же статьею о. Гурія изъ которой заимствованъ вышеприведенный отрывокъ. Изъ нея узнаёмъ что буддійскіе монастыри въ Китаѣ время-отъ-времени, смотря по матеріальнымъ средствамъ, открываютъ торжественные курсы, продолжающіеся отъ 100 дней до 4 мѣсяцевъ, для возложенія обѣтовъ на желающихъ[1], и

[1] Тамъ же, стр. 221.

эта-то ихъ духовная обязанность очевидно и есть «раздача обѣтовъ», приписываемая имъ въ нашихъ па-памятникахъ.

Вышеприведенныя свѣдѣнія, доставленныя о. Гуріемъ, объясняя и тройственность раздѣленія китайскихъ Буддистовъ, и тѣсную связь ихъ, и выраженіе употребленное въ нашихъ памятникахъ относительно ихъ духовныхъ обязанностей, кажется не оставляютъ никакого сомнѣнія что въ помянутыхъ школахъ должно искать Доитовъ, Эркэутовъ и Сэншіутовъ. Остается только пріурочить эти имена къ школамъ, или монастырямъ, упоминаемымъ у о. Гурія; но это-то и труднѣе всего, потому что мы не имѣемъ на то данныхъ.

Однако о Сэншіутахъ можно сдѣлать весьма правдоподобное заключеніе что это — Буддисты или, лучше, ихъ монастыри, принадлежащіе къ школѣ «подвижнической», Люй-ся, и заимствовали свое имя отъ первоначальнаго своего убѣжища Сянь-шоу. Передѣлка китайскаго Сянь-шоу въ Сэн-шіу—такъ законна и даже необходима по монгольской фонетикѣ, что не требуетъ никакихъ поясненій. Съ придачею-же къ этому слову монгольскаго окончанія множественнаго числа правильно получится Сэншіутъ. Назвать-же школу по мѣсту — тѣмъ болѣе кстати что и грамота вдовы Дарма-баловой, и ярлыкъ Буянту-хана, даны, какъ видимъ изъ ихъ содержанія — не лицамъ исповѣдующимъ ту-или-другую религію, въ обеспеченіе свободы ихъ вѣроисповѣданія, а — осѣдлымъ корпораціямъ, въ обес-

печеніе правъ ихъ на зѣмли, угодья, имущества, и на освобожденіе ихъ отъ натуральныхъ поземельныхъ повинностей.

Въ имени Доитъ Габеленцъ видитъ тойновъ, или тойтовъ; но при этомъ: во-первыхъ — необъяснимо грамматически, почему изъ тойтъ сдѣлалось доитъ, и, во-вторыхъ — монгольское слово тойнъ, «буддійскій монахъ», имѣетъ слишкомъ общее значеніе чтобы можно было видѣть въ немъ названіе особой секты, или школы буддійской. Вѣроятнѣе предполагать что Доиты и Эркэуты, такъ же какъ и Сэншіуты, получили свои названія отъ мѣстностей, или монастырей; по-крайней-мѣрѣ слово эркэу имѣетъ значеніе какъ названіе мѣстности: такъ называется Монголами нашъ Иркутскъ, и конечно не эркэу произошло отъ слова Иркутскъ, а наоборотъ[1].

Грамота Буянту-хана, первоначально существовавшая также на камнѣ, впервые издана въ 1618 году, въ китайскомъ археологическомъ сборникѣ Ши-мо цзянь-хуа, съ присоединеніемъ китайскаго перевода. Отсюда онъ былъ заимствованъ и изданъ, съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями, Фонъ-деръ-Габеленцемъ, въ 1839 году, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Versuch über eine alte mongolische Inschrift[2].

Габеленцъ въ своемъ изданіи грамоты слѣдовалъ

---

[1] Другое объясненіе словъ Доитъ, Сеншіутъ и Эркэгутъ представлено мною ниже. В. Г.

[2] Во II-мъ томѣ Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1839, s. 1—21.

китайскому изданію; но китайскій издатель поступилъ съ грамотою довольно-оригинально. Извѣстно что Монголы и Китайцы пишутъ сверху внизъ; но Монголы, какъ въ уйгурскомъ письмѣ, такъ и въ квадратномъ, располагаютъ строки отъ лѣвой руки къ правой, Китайцы-же — на-оборотъ, почему первая строка китайская приходится тамъ гдѣ у Монголовъ послѣдняя. Смотря съ своей точки зрѣнія на расположеніе строкъ, китайскій издатель началъ переписывать грамоту съ послѣдней строки, и, не обращая вниманія на неравномѣрность, число и расположеніе строкъ, за послѣднею строкою началъ къ ряду въ одной строкѣ своего изданія предпослѣднюю, и т. д. Понятно что при такой методѣ грамота должна была оригинальнѣйшимъ образомъ извратиться и перепутаться. Габеленцъ, при изученіи грамоты, скоро догадался въ чемъ дѣло, но все-таки въ своей реставраціи и транспритціи не избѣгъ ошибокъ. Поэтому я счелъ полезнымъ издать эту грамоту вновь съ возстановленіемъ правильнаго расположенія строкъ, что̀ теперь, въ виду грамоты вдовы Дармы-баловой, вышло дѣломъ очень простымъ.

Но, возстановляя по данному образцу расположеніе строкъ, я почитаю себя не въ правѣ исправлять въ этой грамотѣ описки, замѣчаемыя въ ней такъ же какъ и въ грамотѣ вдовы Дарма-баловой, предоставляя себѣ раскрывать ихъ въ примѣчаніяхъ.

Эти описки, въ томъ и другомъ памятникѣ, взаимно обличаемыя, дѣлаютъ особенно-нужнымъ совокупное изданіе обоихъ памятниковъ.

Новое изданіе грамоты Буянту-хана конечно требуетъ новой ея транскрипціи и новаго ея перевода. Дѣло это — не лишнее и не безполезное, потому-что совмѣстное изученіе этихъ памятниковъ открываетъ въ чтеніи и переводѣ Габеленца много ошибокъ, допущенныхъ имъ по новости предмета и слабому знанію монгольскаго языка.

Наконецъ, въ виду этихъ, самыхъ обширныхъ монгольскихъ текстовъ квадратнаго письма изъ доселѣ извѣстныхъ памятниковъ этого рода, представляется возможность, какъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о квадратномъ письмѣ вообще, такъ и предложить догадку о значеніи третьей надписи, очевидно относящейся также къ памятникамъ квадратной письменности—надписи которая находится въ Сибири, на скалѣ подъ извѣстною Мангутскою Пещерою.

Съ надписью этою познакомилъ насъ впервые г. Юренскій [1]. По его словамъ, она состоитъ изъ 14-ти строкъ, писанныхъ черною краскою, изъ которыхъ онъ могъ снять только 9-ть; остальныя-же до такой степени вывѣтрились что даже и для знатоковъ восточныхъ языковъ значеніе ихъ теперь должно остаться загадкою.

Какъ ни трудна эта загадка, она имѣетъ интересъ для археографовъ вообще, для русскихъ-же въ-осо-

---

[1] Въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества», кн. II-я (1865 г.).

бенности, такъ-какъ памятникъ о которомъ идетъ рѣчь, какого-бы содержанія онъ ни былъ, находится въ предѣлахъ нашего отечества.

Снимокъ г. Юренскаго видѣлъ о. Аввакумъ, первый и лучшій современный знатокъ квадратнаго письма; но прочелъ онъ въ надписи всего два слова: нутукъ, «жилище», «родина» (имѣетъ такъ же значеніе «кочевья»), и сарапнъ, «луны». Рѣшаясь, послѣ неудачи въ разгадкѣ надписи со стороны такого авторитета, сдѣлать новую попытку къ ея дешифровкѣ, оправдываю себя тѣмъ что отъ моего чтенія и перевода этой надписи, конечно, никто не будетъ ожидать полноты и точности: я едва разсчитываю на нѣкоторую правдоподобность; и, если взялся за дѣло, то единственно съ цѣлію обратить вниманіе историковъ и археологовъ на эту надпись, которая, по моему мнѣнію, имѣетъ значеніе для исторіи нашего Забайкалья въ-отношеніи къ распространенію тамъ Буддизма и китайскаго вліянія. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ разборѣ, какъ этой, такъ и другихъ надписей около Мангутской Пещеры, на бичикту хади (какъ зовутъ ее Буряты), «писанной скалѣ», найдутся и другіе факты для Исторіи.

I. Грамота вдовы Дарма-Баловой.

На особыхъ при семъ таблицахъ представляемъ: 1) подъ литерою А — транскрипцію этой грамоты русскимъ алфавитомъ, съ сохраненіемъ расположенія

строкъ и словъ подлинника (по снимку о. Аввакума), обративъ лишь послѣднія изъ вертикальныхъ въ горизонтальныя; и 2) подъ литерою Б — переводъ грамоты на русскій языкъ, также съ сохраненіемъ расположенія словъ и строкъ монгольскаго текста[1]. То и другое сопровождаемъ слѣдующими примѣчаніями.

1. Въ транскрипціи строки расположены совершенно согласно подлиннику: строки начинающіеся раньше другихъ соотвѣтствуютъ строкамъ подлинника поднятымъ выше другихъ. Поднятые выше другихъ строки начинаются словами: Тай-хуанъ-тай-хіу-ичжи, «Высокой Императрицы грамота». Выносить такія почтенныя слова выше текста — одна изъ китайскихъ церемоній. Напротивъ, названія тѣхъ лицъ которымъ этою грамотою дается предписаніе, поставлены ниже прочихъ строкъ текста, вѣроятно для бо̀льшаго внушеніе имъ уваженія и повиновенія. Такое же расположеніе строкъ замѣчаемъ мы и въ письмахъ Аргуна и Улдзейту, гдѣ титулъ французскаго короля написанъ на такомъ же низкомъ мѣстѣ какъ здѣсь «войсковые князья» и пр. Но тамъ имена хановъ и прочія почтенныя слова только начинаютъ строку, которая равняется съ другими, а здѣсь слова̀ эти выше другихъ строкъ простаго текста. Это чисто по-китайски. Лѣтописцы

[1] Къ этому Имп. Арх. Общество сочло возможнымъ присоединить и прилагаемый фотографическій, въ уменьшенномъ размѣрѣ, снимокъ съ Монгольскаго текста грамоты, сдѣланный съ доставленнаго при статьѣ ксилографическзго снимка о. Аввакума. В. Г.

А. Къ страницѣ 16-й.

Хāн-у су-дуръ
Хуанг-тай-хіу и-
унъ
и-джи.
Хāн-у дзарлик-ду
Тэнгэри-йги дзал
Дзарлиг-унъ josy
Тэнгэри-йги дзал
öэнг-г
тэригу
И-джи öкбэй
га бу
ранъ а
гэтугэй
И-джи-тэнъ элэ к
И-джи ману

ТАЙ-ХУАНГ-ТАЙ-ХІУ И-ДЖИ.

А. Къ страницѣ 16-й.

Ха̄н-у су-дуръ

Хуанг-тай-хіу и-джи ману.

чэригуд-унъ нойад-да чэрикъ араш-а балагад-унъ даругас-да наяд-да аймакъ аймагуд-унъ
өтбгӯс-э йорчихунъ нбухунъ элчин-э пргэн-э дӯлгахуй

и-джи.

Ха̄н-у дзарлик-дуръ дойидъ эркэудъ сенпһіӯдъ алиба алба хубчирн ӯлӯ ӱзэпъ

Тэпгэрн-йги дзалбариджу пругэръ ӱгӯнъ атугай гэксэпъ

Дзарлиг-унъ йосугаръ алиба алба хубчир-н ӯлӯ ӱзепъ

Тэпгэрн-йги дзалбариджу иругэръ ӱгӯнъ атугай гэпъ бау-динг-чӧл-гэ-йин-жіу-дур букунъ лӯйг-хинг-коп-тунг
өэпг-гӯнг-йэп-хай-гон-ӯ-өнг-коп-дуръ ахунъ ти-дем-өнг-фин-шэн-занг-ӧн-жи-сунг-тау-чӯн-онг-тау-гэй
тэригутэпъ сэпшһіӯд-дэ бариджу нбугай

И-джи өкбэй эдэн-у гӯнг-гон-дуръ кендъ ану элчинъ бу багутугай ула̄ ишгусу бу баритугай дзанг тэм
га бу өктӯгэй гӯнг-гона-а ла харіятанъ газэръ усунъ бакъ тэгирмэдъ дэмъ клбитъ кійтэпъ ку халагунъ усунъ а
ранъ адугусунъ кигэдъ ягудъ кэджи ану кэдъ кэдъ бэръ болджу булиджу татаджу бу абтугай куцу бу кур
гэтугэй эпнъ гэгулугэдъ бурунъ бупи болгадунъ аранъ ӯлӯ-гӯ аюхунъ эде баса сенпһіӯдъ

И-джи-тэпъ элэ кэ̄джу йосу ӱгэгӯй ӱйлэсъ уйлэдугэсу мудъ баса ӯлӯ-гӯ аюхупъ.

И-джи ману такія джилъ ӱбӯл-унъ думда-ду сара-пнъ арбанъ шинэдэ да-я-ду-ра букгуй-дуръ бичибэй.

Ханскимъ велич

Императрица, г

(*аймакъ*)

Грамота.

По ханскому яр

Небу молясь и

Ярлыку согласн

Небу молясь и ун-

ён-кн

и пр

Грамоту даемъ. и продовольствія да не берутъ, обычную там-

гу да ке и горячія водыи, лю-

дей,

лага А эти Сеншіуды,

Грамоту имѣемъ

Грамоту нашу исали.

ВЫСОКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАМОТА.

Хавскимъ величествомъ

Императрица, грамота наша.

Войсковымъ князьямъ, войсковымъ людямъ, городовъ даругамъ и квязьямъ, всѣхъ отдѣленій (*аймакъ*)

Старшинамъ, путешествующимъ и ходящимъ посламъ, и народу (*иргэнъ*) пронозглашаемая

Грамота.

По ханскому ярлыку: Доиды, Эркэуды и Сешіуды, никакихъ водатей и пошлиностей не види,

Небу молясь и благожеланія давал да будутъ: рекшему

Ярлыку согласно, никакихъ податей и повинностей не вида,

Небу молясь и благожелашія дапая да будутъ рекше, въ Бау-динг-чёл-кэ-пв-йп-джеу находящіеся въ Лунг-шин-кон-тун-

йи-кюнг-јэн-я-кон-йи-кон'ѣ существующіе Дп-дэм-онг-фин-шин-занг-йи-дзп-суп-доу-чуи-онг-кэй

и прочіе у Сешіудовъ во владѣніи пусть остаются

Грамоту даемъ. (Въ) ихъ на Кув-ко-н'ѣ моластырихъ посланникъ да не спускаются (не останапливаются), подводъ и продовольствія да не беругъ, обычную там-

гу да не дают; Купе-кон'у принадлежащія зѐмли, вѐды, сады, мельницы, житницы, лапки, холодныя а также и горячія вѐды, лю-

дей, животныхъ и что-бы ни было ихнее, кто-бы ни былъ, отнимал и таща да не беругъ, силу да не на-

лагаютъ: такъ приказавши сказать когда мы рѣшились, другихъ городопъ люди ужели не будутъ бояться? А эти Сешіуды,

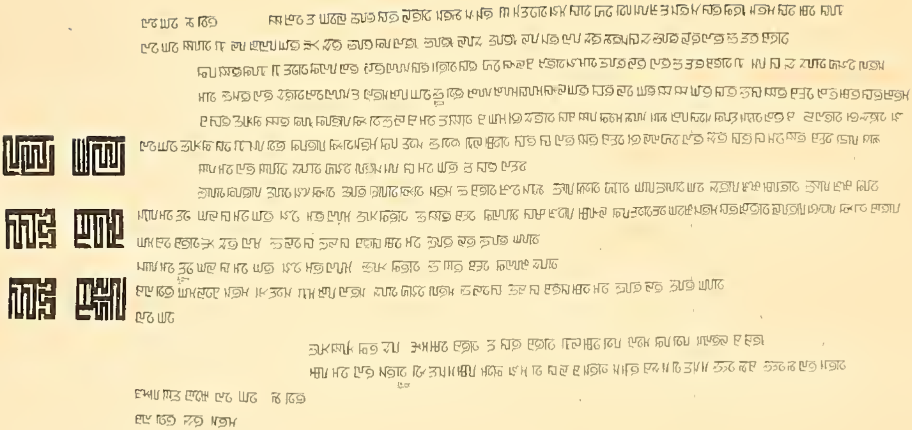
Грамоту имѣемъ-де говоря, если безпорядочныя дѣла будутъ дѣлать, также ужели не будутъ бояться?

Грамоту вашу курипаго году зимней середней лупы пъ десятый новый, когда находились на Ядурѣ, писали.

Къ стран. 16-й

Лит. А. Мюнстеръ (СПБ. Б. О. 2 л.)

Къ стран.



монгольскіе не соблюдаютъ такой церемоніи, но въ оффиціальныхъ документахъ мы находимъ ее еще на камнѣ Исункэя[1], гдѣ имя «Исункэй» стоитъ надъ строками, а имя «Чинчисханъ» еще выше его. Какъ китайскіе императоры дорожатъ честью быть написанными выше строкъ и выше другихъ, это извѣстно, между прочемъ, изъ преній нашего посланнаго Савы Владиславича съ китайскими уполномоченными о томъ, должно-ли въ трактатѣ имя рускаго императора выносить изъ строки наравнѣ съ титуломъ китайскаго императора. Споры эти, по уступчивости нашего посла, рѣшены были тѣмъ, чтобы титулъ рускаго императора выносить изъ строкъ, но писать нѣсколько ниже титула китайскаго императора.

2. Переводъ нашъ сдѣланъ слово-въ-слово, съ сохраненіемъ расположенія строкъ, хотя выходящія впередъ наши горизонтальныя строки и не имѣютъ такого эффекта, какъ строки вертикальныя. Содержаніе каждой строки выдержано, и даже сохранены переносы строкъ изъ одной въ другую. За эту точность при-

---

[1] Подъ «камнемъ Исункэя» разумѣетъ авторъ камень съ надписью на монгольскомъ языкѣ уйгурскими письменами, поставленный княземъ Исунке, племянникомъ Чингисъ-Хана, близь р. Аргуни, для увѣковѣченія памяти о дарѣ сдѣланномъ ему дядею. См. Объясненіе надписи на этомъ камнѣ, покойнаго Банзарова, напечатанное въ «Запискахъ» Имп. Арх. Общества, т. III. Камень этотъ, хранящійся съ 1839 года въ Азіатскомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ, извѣстенъ былъ прежде, вслѣдствіе неправильнаго перевода надписи академикомъ Я. Шмидтомъ — подъ именемъ «Чингисова камня». В. Г.

шлось пожертвовать чистотою рускаго языка — допустить выраженія славянскія и перуское расположеніе словъ.

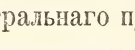
3. Хуанъ-тай-хіу переводится словомъ «императрица», а Тай-хуанъ-тай-хіу, для отличія, «высокая императрица». Въ-точности мы не знаемъ что̀ значатъ эти эпитеты, и какой степени эта императрица. Точно также не знаемъ какую тонкость выраженія заключаетъ въ себѣ слово и-джи. Изъ документа этого видно что ханское предписаніе называлось ярлыкъ, а ханшино — иджи: значитъ между ярлыкомъ и иджи есть разница. Но въ чемъ она состоитъ, могутъ въ тонкости рѣшить только синологи.

3. На третьей строкѣ грамоты дважды повторяется слово нојодъ, «князья». Въ первомъ случаѣ слово это написано ноядъ, во второмъ—наядъ. То и другое правописаніе неправильно. Правда, по-монгольски пишется  , но это надобно читать нуянъ, а не ноянъ, потому-что *о* и *а* въ монгольскомъ языкѣ не могутъ стоять рядомъ въ двухъ слогахъ; *у* и *а* обращаются въ такомъ случаѣ въ два *о*, отчего и родилось нынѣшнее калмыцкое  . Въ грамотѣ изданной Габеленцемъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ стоитъ ноядъ, и потому нельзя предполагать чтобы употребленное въ настоящей грамотѣ наядъ имѣло какое-нибудь другое значеніе, кромѣ нојоновъ.

4. На 6-й строкѣ читается Допдъ, Эркэудъ (или

Эркэгудъ), Сеншhіудъ. Соображенія о томъ что̀ это такое — представлены уже выше. Здѣсь объяснимъ лишь подробно какимъ образомъ изъ китайскаго сянь-шоу должно, по законамъ монгольской фонетики, произойти сэнъ-шіу. Потому это — что мягкое сянь нельзя ближе передать монгольскими звуками иначе какъ сэн; если-бы вмѣсто *я* употребить букву *а*, вышло бы санъ, твердое; если-же jотировать гласную *а*, выйдетъ долгое гласное $\bar{а}$, которое, при буквѣ *с*, обозначаетъ свою мягкость, или j, только тѣмъ что обращаетъ *с* въ *ш*, и такимъ образомъ вышло-бы ш$\bar{а}$нъ. Передача китайскаго сянь по-монгольски слогомъ сэн, имѣетъ еще и то удобство и близость къ китайскому звуку, что буква *э* слѣдующей за нею свободной согласной всегда придаетъ мягкость. Это всего виднѣе на слогахъ сал и сэл: первое точно изобразится русскими буквами салъ, а второе должно-бы было изобразить сэль, если-бы въ нашемъ *ь* не было j. Можетъ быть и въ китайскомъ мягкомъ звукѣ сянь нѣтъ на концѣ точнаго рускаго *ь*: тогда монгольское сэнь будетъ самымъ ближайшимъ звукомъ къ китайскому сянь.

Звукъ шоу также нельзя ближе выговорить, по-монгольской фонетикѣ, какъ шіу — потому-что за *э* не можетъ, по законамъ этого языка, слѣдовать *о*; далѣе, монгольская согласная *ш* всегда управляется гласною *и*, или jотированными гласными, происходящими отъ сліянія съ ними *и*, или замѣняющими въ извѣстныхъ случаяхъ *и*, по закону изложенному въ моей граммати-

кѣ въ § 51-мъ. Такимъ образомъ, послѣ сэнь, китайское шо не могло иначе выразиться по-монгольски, какъ ши, особенно въ виду долготы китайской гласной оу. Послѣднее *у*, въ обоихъ разсматриваемыхъ грамотахъ, отдѣлено отъ *и*, тибетскимъ намѣстникомъ придыханія ཿ, въ особой слогъ: это уйгуро-монгольскими буквами слѣдовало бы изобразить:  , сэньшигў, гдѣ слогъ гў есть сокращаемый, образующій съ предшествующею гласною долгій звукъ, такъ-что должно читать по-монгольски: сэньшў; ближе этого нельзя передать по монгольской фонетикѣ китайское сянь-шоу.

Наконецъ, монгольское окончаніе множественнаго числа къ сэньшў очень основательно могло прицѣпиться къ китайскому имени центра школы Люй-ся, такъ-какъ изъ нашихъ грамотъ видно что Сэньшіуты имѣли убѣжища и угодья въ разныхъ мѣстностяхъ, кромѣ ихъ центральнаго пункта Сянь-шоу. Что Монголы могли называть школу Люй-ся не по этому ея китайскому спеціальному названію, вѣроятно означающему ея подвижническіе подвиги, а по имени главнаго центра ея, Сянь-шоу, противъ этого едва-ли кто заспоритъ, особенно въ виду того что тогдашніе монгольскіе Буддисты никакъ не могли быть спеціалистами въ этомъ ученіи, ибо и въ самой Монголіи Буддизмъ еще не былъ распространенъ.

Для поддержанія доказываемой мною связи Сэншіутовъ со школою Люй-ся, считаю не лишнимъ указать еще на то что слово сэньшў, по характеру

своихъ звуковъ, никакъ не можетъ быть признано за монгольское, сколько ни прилажено оно къ монгольскимъ звукамъ. Для доказательства этого положенія тяжело было-бы поднимать на ноги весь лексиконъ Ковалевскаго, и всѣ тонкости филологіи: я надѣюсь что всѣ монголисты согласятся со мною на-слово, и признаютъ слово это имѣющимъ китайское происхожденіе.

Не могу того же сказать объ Эркэутахъ и Доитахъ, хотя не могу и объяснить этихъ словъ изъ монгольскаго языка.

Объ словѣ эркэў еще можно сказать нѣчто. По-монгольски, какъ уже замѣчено, нашъ г. Иркутскъ называется ᠡᠷᠬᠡᠦ, Эркэў, или, что̀ тоже, Эркў. Конечно въ монгольскомъ названіи надобно искать корня нашего Иркутска, потому что рускаго правдоподобнаго корня нельзя пріискать къ этому названію. Но чтобы найти какое нибудь правдоподобное толкованіе изъ корней монгольскому слову эркў, которое мы знаемъ только въ имени «Иркутскъ», намъ нужно-бы знать когда Монголы назвали нашъ Иркутскъ эркў — раньше ли пришествія Рускихъ, или уже тогда когда устроился на этомъ мѣстѣ острогъ, а этого-то мы и не знаемъ. Но предположимъ что мѣстность носила это названіе эркэў еще до основанія Иркутска. Иркутскъ съ двухъ сторонъ окружаетъ Ангара, быстрая рѣка, берега̀ которой давно уже защищены отъ разрушенія сваями и камнемъ, противу впаденія въ нее значительной рѣч-

ки Иркута (я не знаю какъ называютъ ее Монголы). Противъ устья Иркута, гдѣ устроенъ перевозъ, есть значительный водоворотъ, тѣмъ-болѣе замѣчательный что онъ саженяхъ на десяти отъ берега постоянно даетъ волны, и черезъ двѣ-три минуты выбрасываетъ воду съ шумомъ и пѣною. Какъ это происходитъ по физическимъ законамъ — не наше дѣло толковать. Но мы, на основаніи этихъ постоянныхъ условій мѣстности, можемъ искать корень для названія ея въ монгольскомъ глаголѣ эрги, «ворочайся», «кружись», «обходи», «окружай».

Если-же Эркэў создалось послѣ пришествія Русскихъ, то корень его можно искать въ словѣ эркэ, «сила», «власть».

Но, ни изъ того, ни изъ другаго корня, эркў не производится грамматическимъ образомъ, и если искать его въ этихъ корняхъ, то можно только на основаніи правила изложеннаго въ моей грамматикѣ подъ § 84.

Давая-же одинаковую вѣроятность обѣимъ производствамъ, мы должны заключать что Эркэуты получили это свое монгольское имя — или отъ мѣстности ихъ монастыря, которая похожа на Иркутскую, или отъ степени ихъ вліянія на Китайцевъ.

Но мы знаемъ изъ того же сочиненія о. Гурія (стр. 321) что школа буддійскихъ аскетовъ еще при династіи Танъ имѣла огромное значеніе, и потому, если-бы давать имя по вліянію, то Эркэутами должно-бы назвать нашихъ Сэншіутовъ (Люй-ся).

Мы ближе къ тому чтобы въ Эркэутахъ видѣть также названіе по мѣстности, какъ и въ Сэншіутахъ, тѣмъболѣе что не одинъ Иркутскъ носитъ названіе Эркэу, а есть еще нѣсколько мѣстностей въ Средней-Азіи носящихъ подобное названіе. Укажемъ, для примѣра, на Erkihu — названіе китайской караульни на берегу одного изъ притоковъ Селенги [1]), на Erghi — станцію въ Халхѣ [2]), и въ-особенности на рѣку Ergheou въ Восточномъ-Туркестанѣ [3]). Какъ и почему назвались такъ означенныя мѣстности, мы не знаемъ, и потому не можетъ сдѣлать никакого заключенія о корнѣ и значеніи слова эргэу, или эркэу; но въ правѣ заключить что слово это есть названіе мѣстности описательное, ибо повторяется въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ раздѣленныхъ между собою большими пространствами. Какое изъ убѣжищъ китайскихъ Буддистовъ могло носить въ XIII—XIV столѣтіяхъ имя Эркэу: гора-ли Тянь-тай, или убѣжище Цы-энь, рѣшить мы не можемъ, не зная характера этихъ мѣстностей.

[Много сообразительности потрачено Бобровниковымъ на разъясненіе вопроса о Доптахъ, Сеншіутахъ и Эркэутахъ, но потрачено совершенно напрасно. А все отъ того что, будучи превосходнымъ лингвистомъ, нисколько при этомъ не былъ онъ историкомъ.

---

[1] См. Риттера: Erdkunde Asiens, II-r Theil, s. 1069.

[2] Тамъ же, ч. III, стр. 355.

[3] См. Клапрота, въ Annales des Voyages, année 1830, t. IV, p. 304.

Эркэутъ разсматриваемой грамоты, равно-какъ и грамоты Буянту-хана, есть множественное монгольское число отъ единственнаго эркэунъ, а это — названіе подъ которымъ извѣстны были у Монголовъ «Христіяне», сначала — ближайшіе къ нимъ несторіанскаго исповѣданія, а потомъ — всѣ вообще. На это имѣется несомнѣнное свидѣтельство армянскаго писателя XIII вѣка, Степана Орбеліана, который, говоря объ императорѣ монгольскомъ Мангу-ханѣ, что государь этотъ любилъ Христіанъ, замѣчаетъ: «а Христіанъ Монголы зовутъ Архаюнъ»[1].

Когда-же Эркэутъ грамоты перестаютъ быть буддійскою сектою, какъ полагалъ Бобровниковъ, то исчезаетъ вѣроятность чтобы тоже буддійскими сектами были, какъ Доидъ, такъ и Сеншіутъ.

Относительно Доидъ оказывается правъ Габеленцъ, объяснявшій что это — множественное число отъ единственнаго дойнъ, или собственно тойнъ, какъ вообще называется у Монголовъ духовное лицо буддійскаго исповѣданія. Тойнъ-же могло явиться въ видѣ дойнъ по той же самой причинѣ по которой, въ тѣхъ же грамотахъ, слово тэнгри, «небо», видимъ изображеннымъ дэнгри, — какова-бы причина эта ни была.

Остаются Сеншіуты. Если Эркэутъ — Христіане вообще, а Доидъ — Буддисты вообще, то, по всей вѣроятности, и слово Сеншіутъ должно означать какое-либо изъ исповѣданій существовавшихъ въ Китаѣ

[1] См. Сэнъ-Мартэна: Mémoires sur l'Arménie, II, 133.

во времена господства юаньской династіи. Уайли, вмѣсто Сеншіудъ, читаетъ (въ грамотѣ Буянту-хана) Сеншингудъ, и переводитъ это словомъ «наставники» (instituteurs), выводя это значеніе изъ китайскаго языка, такъ-какъ по-монгольски senching никакого смысла не представляетъ. Основателенъ или нѣтъ такой переводъ Уайли, пусть рѣшаютъ китаисты; но для меня, помимо перевода, представляется вполнѣ вѣроподобнымъ толкованіе того же ученаго что подъ Синшингудъ въ ярлыкѣ Буянту-хана слѣдуетъ понимать послѣдователей даос'скаго (taosse) ученія. Основываетъ онъ это утвержденіе на двухъ мѣстахъ изъ «Исторіи Юаньской Династіи», гдѣ говорится: въ одномъ — что «въ 1272 году указомъ императорскимъ предписано было чтобы духовные изъ Буддистовъ, Дао-сы, и Эркэуновъ (ye-li-ko-wan), оставившіе безбрачіе и не соблюдавшіе болѣе религіозныхъ обязанностей своихъ, должны были считаться наравнѣ съ (простымъ) народомъ» (т. е. платить подати и нести повинности); въ другомъ — что «въ 1282 году новымъ указомъ подтверждено было что духовные буддійскіе, даосскіе и эркэунскіе, въ Хо-си, которые обзавелись женами и дѣтьми, подлежатъ уплатѣ податей наравнѣ съ (простымъ) народомъ». Такъ-какъ въ цитированныхъ императорскихъ указахъ три вида духовенства, о которомъ идетъ рѣчь въ нихъ, упоминаются въ такомъ же порядкѣ какъ и въ ярлыкѣ Буянту-хана, при чемъ Буддисты соотвѣтствуютъ Доид'у ярлыка, а Эркэун'ы — Эркэут'амъ, то

ясно что Сеншингуд'ы ярлыка должны соотвѣтствовать Даосцамъ [1]).

Изъ такого объясненія вытекаетъ и законность употребленія, какъ въ грамотѣ вдовы Дарма-баловой, такъ и въ ярлыкѣ Буянту-хана, выраженія иругэръ ӱккӱ, которое соблазняло Бобровникова: такъ-какъ тутъ идетъ дѣло не объ однихъ Буддистахъ, а о духовенствѣ трехъ различныхъ религій, то нельзя и ожидать чтобы, вмѣсто ӱккӱ, стояло талбиху. Иругеръ ӱгӱнъ атугай слѣдуетъ, поэтому, переводить, какъ переведено это выраженіе въ старо-русскомъ переложеніи Менгу-Темирова ярлыка нашимъ митрополитамъ — «да благословляютъ (насъ)». *В. Григорьевъ.]*

5. Иругеръ, jöрölъ по новѣйшему произношенію, имѣетъ значеніе близкое къ латинскому votum.  , въ буддійскомъ смыслѣ, значитъ «дать обѣтъ» и «стремиться къ достиженію извѣстной святости»;  , какъ употреблено здѣсь, значитъ «дать обязанность спасти съ собою еще кого нибудь другаго». Но есть еще и  «противный иругэръ», «проклятіе». Я рѣшился перевести это слово «благожеланіемъ», хотя и сознаю что такой переводъ не точенъ; во всякомъ случаѣ увѣренъ что это — выраженіе буддійское.

---

[1] Journal Asiatique, серіи 5-й, томъ XIX-й, стр. 466.

6. На 8-й строкѣ въ началѣ написано: зар-хи-гунъ. Это очевидная описка; мы читаемъ: зар-ли-гунъ.

7. На 12-й строкѣ читаемъ: эдэну гун-гон-дуръ кэндъ ану, то-есть «ихъ на Гунконѣ монастыри», въ именительномъ падежѣ, который не вяжется съ дальнѣйшимъ контекстомъ. Въ грамотѣ изданной Габеленцемъ послѣ слова кэндъ стоитъ монгольская частица мѣстнаго падежа дуръ, которая въ нашемъ ярлыкѣ, вѣроятно по ошибкѣ, пропущена. Эту подразумѣваемую частицу мы переводимъ предлогомъ «въ», поставленнымъ въ скобкахъ.

8. На той же 12-й строкѣ предпослѣдній слогъ читается нами дзангъ. Употребленная здѣсь буква, которую мы читаемъ за *з* или *дз* не объясняется изъ тибетскаго алфавита, а объяснена Габеленцемъ изъ его чтенія китайскаго слова thsang, гдѣ употреблена подобная буква для выраженія китайскаго согласнаго звука выраженнаго имъ буквами ths. Чтобы дать этому слову смыслъ монгольскій мы переводимъ его словомъ «обычный»; но не увѣрены въ вѣрности перевода. Вѣроятно синологи найдутъ ему другое значеніе, которое будетъ лучше вязаться и объяснитъ слѣдующее за нимъ слово.

Замѣчательно что въ ярлыкѣ изданномъ Габеленцемъ, на этомъ мѣстѣ, въ совершенно одинаковомъ контекстѣ, нѣтъ этого слова дзангъ.

9. Послѣдній слогъ этой строки можно-бы было объяснить изъ тибетскаго письма въ значеніе комъ ().

Но ни въ которой изъ квадратныхъ грамотъ не употребляется тибетская буква ཀ. Она по чему-то исключена изъ квадратнаго алфавита; и потому здѣсь должно видѣть описку. Въ грамотѣ изданной Габеленцемъ на этомъ мѣстѣ стоитъ ясно написанное там, а слѣдующій слогъ въ нашемъ документѣ, перенесенный на другую строку, читается га; итакъ это тамга, вѣроятно означающая «таможенное клеймо».

10. На слѣдующей строкѣ стоитъ слово дэмъ, которое намъ неизвѣстно. Слово это есть въ лексиконѣ Ковалевскаго и опредѣлено: «помощь, вспоможеніе, подкрѣпленіе»; но ни одно изъ этихъ значеній нейдетъ здѣсь къ дѣлу. Габеленцъ соотвѣтствующій этому контекстъ читаетъ невѣрно: demge bidegö den ku; но сдѣланный имъ переводъ съ китайскаго текста развязываетъ узель затрудненія. Демъ значитъ Scheuern «житницы», что̀ очень идетъ къ дѣлу и послужило опорою для нашего перевода.

11. За дэм'омъ въ нашемъ спискѣ слѣдуетъ слово кэ-шидъ; въ грамотѣ-же изданной Габеленцемъ на этомъ мѣстѣ стоитъ слово кэ-бидъ, ясно написанное, хотя и не прочитанное имъ. Въ переводѣ соотвѣтствуетъ ему слово Magazine. Итакъ въ нашемъ спискѣ здѣсь описка: вмѣсто *б* написано *ш*, буквы въ квадратномъ алфавитѣ похожія одна на другую. Слова кэбитъ въ лексиконѣ Ковалевскаго не значится; но оно извѣстно не только Монголамъ и Калмыкамъ, а даже и по всей Россіи. Словомъ кэбитъ Монголы и Калмыки называютъ «лавки». Извѣстно что лавки устраиваемыя

нашими торговцами для Калмыковъ помѣщаются въ такихъ же войлочныхъ шалашахъ, въ какихъ живутъ и сами Калмыки. Калмыки, Буряты и Монголы зовутъ свои жилища гэръ, киргизы—юй; слѣдовательно кибитъ значитъ только «лавка». Но Русскіе распространили значеніе этого слова на всѣ войлочные шалаши, да еще приложили и къ почтовому вѣдомству (кибитка — крытая телега); однако въ Сибири «кибитка» неимѣетъ такого значенія; тамъ монгольскую кибитку зовутъ юртой, тоже не по-монгольски; но до этого намъ дѣла нѣтъ.

12. Далѣе, на той же строкѣ (13-й), мы читаемъ: кійтэнъ-ку-халагунъ усунъ. Въ подлинникѣ написано: гэй-дэн-ку-ха-ла-гунъ-у-сунъ. Все это также изображено и въ грамотѣ изданной Габеленценъмъ, хотя не совсѣмъ разборчиво, почему онъ и запутался въ чтеніи слова гэй-дэн, принявъ тибетское ཱུ за знакъ *o*, который въ тибетскомъ пишется надъ строкою въ видѣ ~, а въ квадратномъ письмѣ перевертывается внизъ рогами. Слово это въ чтеніи, а вѣроятно по тому самому и въ переводѣ Габеленца, пропадаетъ. Мы читаемъ кійтэнъ-кӯ, пользуясь нѣкоторою неточностію квадратнаго алфавита и, вѣроятно, нѣкоторою особенностію произношенія, и переводимъ «холодныя, а также и горячія водьі». Но что это за холодныя и горячія воды? Разгадать это намъ помогаетъ Габеленцъ своимъ переводомъ словъ халагунъ усунъ, словами warme Bäder; если горячія водьі

означаютъ «бани», то холодныя воды должны означать «купальни». Итакъ это «купальни и бани».

13. На 15-й строкѣ мы признаёмъ очевидною описку въ словѣ бурунъ, въ изображеніи буквы *р*, которой не достаетъ вертикальной связки.

14. Фразу, которую мы переводимъ: «А эти Сеншіуды, грамоту имѣемъ-де говоря, если безпорядочныя дѣла будутъ дѣлать, также ужели не будутъ бояться»— Габеленцъ переводитъ такъ, что эта угроза относится не къ Сеншіудамъ, а къ тѣмъ кто вздумалъ бы стѣснять ихъ права. Ему легко было ошибиться, потому что въ переведенной имъ грамотѣ эта фраза употреблена однажды; въ нашей-же грамотѣ фраза эта повторена дважды; и совершенно ясно что въ первомъ случаѣ она угрожаетъ нарушителямъ правъ Сэншіудовъ, даваемыхъ имъ грамотою, а во второмъ — самимъ Сэншіудамъ, если они, на основаніи этой грамоты, зазнаются. Граматическими доказательствами нашего перевода служатъ: во первыхъ — слово Сэншіудъ употребленное въ именительномъ падежѣ, и, во-вторыхъ — слово баса, которое означаетъ «еще» и «съ другой стороны», въ нашемъ-же переводѣ выражается союзомъ «а», имѣющимъ оба эти значенія.

II. Грамота Буянту-хана.

Возразивъ нѣсколько разъ противу объясненій и перевода грамоты изданной Габеленцемъ, считаемъ

Мöнгкö (1) тэн
Jэкэ су дзали-и
Хāнъ (4) дзарл
Чэригўдунъ но
Даругасъ (6)-да
Чин-э ха (7) ду
Дзарликъ (9)
Джингисъ хāн-
Огöдэй хāн-у
Сэцэнъ хāн-у
Олдзэйтў хāн-у
Кўлўкъ хāн-у
Тэнгэри-ji дзал
Дзарлиг-унъ jo
Тэнгэри-ji дзал kan (16)-schiao-güng-дуръ
Баса heuen-gi
Дзарликъ öкбэй
ритугай тамга
дэмъ кэбидъ гэ
гэдъ гурбанъ а и -
джу татаджу б
Дзарликг-танъ
Дзарликъ ману
Барсъ джилъ н
jинъ хоринъ на
ng-a бўкуй-дур

В. Къ страницѣ 31-й.

Мӧшкӧ (1) тэнгэри-jинъ кӯцӯнъ-дӯръ (2)
Лэкэ су дзали-нинг ихэнъ (3) дӯръ
Хаинъ (4) дзарликъ ману
Чэргӯдунъ нонда да черикъ (5) аран-а балагад-унъ
Дарутасъ (6)-да нонда-да jорчихунъ ябухунъ ил-
Чин-э ха (7) дулгахуй (8)
Дзарликъ (9)
Джингисъ хан-у
Огӧдэй хан-у
Сацэнъ хан-у
Олдзэйгӯ хан-у
Кӯлӯкъ хан-у ба дзарликъ-дуръ доjндъ эркэудъ сеншiудъ алиба алба хубчир-и ӯлу ӯзэнъ
Тэнгэри-jи дзалбариджу иргэръ бӧгӧнъ атугай (10) гэкджэнъ (11) аджугуй эдӯгэ бэръ бӧгӧсу урилану
Дзарлиг-унъ josугэръ алиба алба хубчир-и ӯлу ӯдзэнъ
Тэнгэри-jи дзалбариджу иругэръ бӧгӧнъ атугай гэнъ (12) huung-uen-lu (13) дуръ букунъ tai (14)-tschung (15)-yang-kan (16)-schiao-güng-дуръ
Баса heuen-güng-gon-дуръ ахунъ (17) сэншiудъ дэ бариджу ябугаи
Дзарликъ ӧкбэй эдэну güng-gon-gam-meao-дуръ киjндъ-дуръ ану элчинъ (18) бу багӯтугай ула шингӯсу бу ба-
ритугай тамга бу ӧктугэй güng-gon-э элэ харiятанъ газаръ усунъ аранъ адугусунъ бакъ тэгир-мэдъ
дэмъ кэбидъ гэйдэнъ ку хазагунъ усунъ го онтоцасъ тэргэдъ ягудъ кэджи (19) баса mui-hui-gam-lao ку-
гэдъ гурбанъ ангада (20) усун-у хагул-ла (21) gam-yu агула (22) кэдъ кэдъ бэръ (23) больджу кӯцу бу кургетӯгэй були-
джу татаджу бу абтугай эдэ баса
Дзарлиг-танъ гэджу josу ӯгэгӯй ӯйлэсъ бу ӯйлэдтӯгэй ӯйлэдӯгэсӯ ӯлӯ-ӯ айухунъ мӯдъ
Дзарликъ ману
Барсъ джилъ намур-унъ тэргӯнъ (24) сара-
jинъ хорiнъ найман-а цаганъ thsa-
ng-a бӯкуй-дуръ бичибэй.

себя обязанными перевести этотъ документъ снова, основываясь на сличеніи его съ грамотою нами изданною.

Нашу транскрипцію грамоты Буянту-хана прилагаемъ при семъ на особомъ листкѣ, подъ буквою *B*. Въ ней старались мы возстановить то расположеніе строкъ и размѣщеніе словъ какое, по всей вѣроятности, представляетъ подлинникъ.

Въ слѣдующемъ за симъ переводѣ этого документа мы не будемъ уже стѣсняться расположеніемъ строкъ, и попробуемъ передать содержаніе его болѣе чистымъ русскимъ языкомъ, насколько это возможно при точномъ переводѣ монгольскаго текста. Грамота Буянту-хана гласитъ:

«Подъ силою вѣчнаго неба, и защитою великаго величія и блеска».

«Ханъ, ярлыкъ нашъ».

«Войсковымъ князьямъ, войсковымъ людямъ, даругамъ и князьямъ городовъ, путешествующимъ и ходящимъ посламъ — провозглашаемый ярлыкъ».

«Въ ярлыкахъ Чингисъ-хана, Угэдэй-хана, Сэценъ-хана, Улдзейту-хана и Кўлўкъ-хана было сказано: Доиды, Эркэуды и Сэншіуды пусть молятся небу и даютъ благожеланія, не зная никакихъ податей и повинностей. Хотя (мы) живемъ нынѣ, но согласно ярлыкамъ предшественниковъ даемъ ярлыкъ» —

«Чтобы никакихъ податей и повинностей не знали, а только небу молились и благожеланія давали; пусть

будутъ во владѣніи Сэншіудовъ находящіеся въ Гунгён-лу, и существующіе въ Тай-чунг-янъ-кан-шіукун'ѣ, и еще Э-онг-гун-кон'ѣ (что?—не извѣстно)....[1] въ Гунг-ко-ка.....[1] послы да не останавливаются, подводъ и довольствія не берутъ, и тамги не даютъ. Всѣ принадлежащія къ Гунг-кон'у зѣмли, водьі, люди, животныя, сады, мельницы, житницы, лавки, купальни и бани, украшенныя лодки и телеги (гондолы и паланкины), все что имъ принадлежитъ, и еще сверхъ трехъ: муй-буй-камъ-ляо; права на водьі (?) и гору Камъ-ю, никто силою да не отымаетъ и тяжбою не беретъ! А эти, основывапсь на ярлыкѣ, безпорядочныхъ дѣлъ да не дѣлаютъ! А если будутъ дѣлать, ужели также не будутъ бояться?»

«Ярлыкъ нашъ написанъ барсоваго года осенней первой луны въ счастливое (бѣлое) двадцать-осьмое, когда находились на Дзангѣ».

Сопровождаемъ транскрипцію и переводъ нами представленные — слѣдующими замѣчаніями:

1. Самое первое слово грамоты, которое, по смыслу, должно читать не иначе, какъ мѳнгкѳ, «вѣчный», изображено въ ней въ видѣ монг-ка. Точно также слово это изображено въ паизѣ, изданной впервые В. В. Григорьевымъ. Въ паизѣ изданной Савельевымъ слово это написано монг-хи, то-есть перемѣнена толь-

[1] Точками обозначены здѣсь слова перевода находившіяся на оторванномъ углу оригинала, съ котораго печаталась статья. *В. Г.*

ко согласная *к* на *х*, но характеръ гласныхъ звуковъ тотъ же, т. е. твердаго звука, а между-тѣмъ слово это мягкаго звука, и въ уйгуро-монгольскомъ письмѣ изображается въ видѣ  , мӱнгкхэ, а произносится, по правилу изложенному въ моей грамматикѣ [1] подъ № 55, за мӧнгхӧ, или мӧнгкхӧ. Почему-же квадратное правописаніе, въ изображеніи гласныхъ звуковъ всегда согласное съ уйгуро-монгольскимъ, въ этомъ случаѣ перемѣняетъ уйгуро-монгольскія мягкія гласныя на твердыя? На основаніи законовъ монгольскаго языка, конечно можно предположить что это слово въ-старину было твердаго звука, и лишь въ-послѣдствіи перешло въ мягкій; но это предположеніе еще не устраняетъ затрудненія. Если это слово было твердаго звука, оно произносилось-бы, или монгхо, или мунгха; но никакъ не монгха — потому-что *о* и *а* въ одномъ словѣ рядомъ не могутъ сходиться. Предполагать описку нѣтъ никакой вѣроятности, потому-что во всѣхъ трехъ извѣстныхъ памятникахъ этого письма гдѣ это слово употребляется, гласные знаки въ немъ одинаковы. Не помогутъ-ли синогоги объяснить это правописаніе? Какъ изображается китайскими знаками имя мӧнгкӧ-хана? Вѣроятность китайскаго вліянія на орѳографію слова мӧнгкӧ поддерживается еще слѣдующимъ словамъ тэнгэри, которое во всѣхъ четы-

[1] Грамматика Монголо-Калмыцкаго языка. Соч. А. Бобровникова. Казань, 1849.

рехъ квадратныхъ памятникахъ пишется дэнг-ри, и по уйгуро-монгольски донынѣ  , тегри, то-есть съ потерею носоваго звука и даже цѣлаго слога, изображаемаго въ калмыцкомъ  , тэнгэри. Очень вѣроятно что монгольское тэнгэри находится въ родствѣ съ китайскимъ тянь. Но связь правописанія, какъ этого слова, такъ и слова мӧнгкӧ, съ китайскими знаками могутъ разъяснить только синологи.

2. Въ словѣ кӱцӱнъ очевидная описка: вмѣсто *и* изображено *р*, такъ-что выходитъ курунъ.

3. Слово  , ибэгэнъ, произносимое ибэ̄нъ, «защита», «покровитель», является измѣненнымъ въ  игэгэнъ, въ пайзѣ Абдуллахъ-хана, объясненной Банбаровымъ[1], который объяснилъ и законъ измѣненія буквы *б* на *г*. Въ настоящей-же грамотѣ оно является въ видѣ ихэ̄нъ, и *х* изображается тибетскою придыхательною согласною  , которую можно сравнивать съ французскимъ *h*. Непосредственно за этою буквою слѣдуетъ видѣть тибетское  , но оно изображено съ опискою.

4. Въ словѣ хаанъ тибетское  , обозначающее долготу гласной, также написано ошибочно.

5. Въ словѣ черикъ, въ изображеніи послѣдней согласной — опять описка.

---

[1] Въ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg. T. V, № 9.

6. Въ словѣ даругасъ буква *у* имѣетъ начертаніе нигдѣ уже болѣе не повторяющееся; кажется, должно объяснять это также опискою.

7. Ха — слово безсмысленное. Вѣроятно здѣсь тоже описка, и должно читать не ха, а ба, имѣющее значеніе рускаго *и*, и поставляемое послѣ слова которое оно связываетъ съ предшествующими.

8. Слово читаемое нами дулгахуй, Габеленцъ прочиталъ dagusskui. Въ-точности оно не даетъ, ни того, ни другаго, чтенія. Мы читаемъ его на основаніи предшествующей грамоты, и опять видимъ описку.

9. Слово дзарликъ Габеленцъ ставитъ не въ томъ мѣстѣ гдѣ помѣщаемъ его мы, а между слоговъ ил — чи. Но снимокъ его, въ которомъ слово это слово ясно разодвинуто отъ другихъ знаковъ, показываетъ что оно должно составлять особую строку и занимать такое же мѣсто какъ въ нашей грамотѣ слово иджи.

10. Въ изображеніи буквы *г* (тиб.) есть описка или недописка; подобная недописка есть также на предшествующей строкѣ въ словѣ алба, въ изображеніи буквы *б*.

11. Въ этомъ словѣ опять описка въ изображеніи буквы *э* въ слогѣ дэк.

12. Въ чтеніи китайскихъ словъ мы слѣдуемъ Габеленцу, и выражаемъ ихъ тѣми же буквами которыя приняты имъ, на томъ основаніи что онъ, на этотъ разъ, былъ сильнѣе насъ, имѣя на-лицо китайскую транскрипцію. Однако это не мѣшаетъ намъ нѣсколько

слѣдить за соотвѣтствіемъ его транскрипціи съ квадратными знаками самой грамоты.

13. Въ подлинникѣ стоитъ бу, а не лю. Это, вѣроятно, опять описка.

14. Габеленцъ читаетъ этотъ словъ do, очевидно смѣшивая тибетскій знакъ ཇ = j съ гласнымъ знакомъ ི, въ квадратномъ алфавитѣ изображаемымъ въ обратномъ положеніи. Въ китайской транскрипціи его читается ta; но всякій знакомый съ тибетскимъ алфавитовъ и приложеніемъ его къ квадратному письму, навѣрное согласится съ нами что здѣсь изображено не do, и не ta, а тай.

15. Въ изображеніи этого слога мы слѣдуетъ Габеленцу, но чтобы читать его такъ, необходимо предположить описку въ изображеніи буквы *ч*, и это предположеніе очень вѣроятно.

16. Въ китайской транскрипціи приведенной Габеленцемъ, вмѣсто kan, стоитъ wan. Что̀ это такое: опять описка въ текстѣ, однако трудно объяснимая, или ошибка китайскаго переводчика, или, наконецъ, самого Габеленца? Рѣшить это имѣютъ право только тѣ синологи которые объяснятъ намъ эти китайскія слова.

17. Здѣсь опять предполагается описка въ текстѣ изданномъ Габеленцемъ, состоящая именно въ томъ что буква начинающая слово ахунъ связана съ буквой *р* предшествующаго слога. Это описка неважная, но далѣе въ текстѣ Габеленца должно предполагать

пропускъ цѣлой строки, которая высказывала угодья, права, или постройки, которыя были въ исчисленныхъ выше мѣстностяхъ — потому-что смыслъ изданнаго текста совершенно не вяжется за недостаткомъ подлежащаго. Въ текстѣ грамоты нами изданной на этомъ мѣстѣ стоятъ какія-то китайскія названія, сопровождаемыя словомъ тэригўтэнъ, означающемъ «и прочія». Такое же подлежащее, должно предполагать, находилось и въ подлинникѣ объясняемой грамоты.

18. Слово это читается ясно элчинъ; Габеленцъ же читалъ его элчисъ, вѣроятно примѣняясь къ китайскому переводу, и не зная что въ монгольскомъ языкѣ окончаніе множественнаго числа употребляется весьма скупо.

19. Въ подлинникѣ буква дж изображена въ этомъ словѣ такъ, что ближе было-бы читать кэби, но это очевидно описка, которая замѣчена была еще Габеленцемъ.

20. Въ подлинникѣ изображено анггидэ, но это очевидная описка, потому-что *а* и *э* въ одномъ монгольскомъ словѣ не могутъ сходиться.

21. Габеленцъ слогъ ли этого слова относитъ къ китайскому имени горы; но что-же въ такомъ случаѣ будетъ означать хагў, которое, по квадратной орфографіи его, должно читать хў? Мы читаемъ хагўли, произносимое хўли, и означающее «право», «законъ», и для этого чтенія видимъ поддержку въ китайской транскрипціи choui-li, потому-что слово хўли, по всей вѣроятности, заимствовано Монголами отъ Китайцевъ.

22. У этого слова первая гласная 𐰃 привязана къ предшествующему слогу ju; но кажется нѣтъ сомнѣнія что это описка.

23. Во всѣхъ трехъ слогахъ: кэдъ кэдъ бэръ — очевидная описка.

24. Въ словѣ тэригунъ — очевидная описка въ слогѣ тэ.

При такомъ числѣ описокъ замѣченныхъ нами въ ярлыкѣ изданномъ Габеленцемъ, нельзя не отдать справедливости Габеленцу за очень приблизительное чтеніе, тѣмъ-болѣе что онъ встрѣтился съ квадратнымъ письмомъ почти впервые. Но непонятно почему онъ такъ много затруднялся и даже запутался въ расположеніи строкъ, если изданный имъ снимокъ совершенно согласенъ съ подлинникомъ. Въ снимкѣ его, буквы начинающія строку очень замѣтно разодвинуты отъ окончательныхъ слоговъ строкъ предшествующихъ, и это чрезвычайно какъ много способствуетъ реставрировкѣ. Расположеніе строкъ этой надписи въ подлинникѣ несомнѣнно было такое же какъ въ изданной нами грамотѣ вдовы Дарма-баловой, т. е. однѣ начинались выше, другія ниже. Текстъ начинающійся въ строкахъ словами: чэригудунъ, даругасъ, и чинэ, очевидно былъ расположенъ также низко въ подлинникѣ ярлыка Буянту-хана какъ и въ нашей грамотѣ, потому-что оказалась необходимость слово илчи перенести на двѣ строки. Имена хановъ и прочія почетныя слова конечно стояли выше строкъ текста, который, судя по длинѣ строкъ, былъ

расположенъ такъ же какъ и въ изданной нами грамотѣ, т. е. почетныя слова начинали строку выше, или выносились изъ ряда строкъ текста.

Въ чтеніи китайскихъ словъ грамоты изданной Габеленцемъ, такъ же какъ и грамоты нами выше объясненной, замѣчаются такія же описки какъ и указанныя нами въ монгольскихъ словахъ обоихъ текстовъ; но обличать эти описки мы, по незнанію китайскаго языка, не беремся, не будучи увѣрены даже чтобы и тѣ слоги которыя мы почитаемъ читаемыми — были прочитаны нами совершенно-вѣрно. Тутъ нужно пригласить на помощь синологовъ.

[Бобровникову неизвѣстны были новая транскрипція и новый переводъ ярлыка Буанту-хана, сдѣланные г. Уайли, и напечатанне имъ въ іюньской книжкѣ Journal Asiatique за 1862 годъ. Поэтому считаемъ нелишнимъ, для сравненія обѣихъ работъ, привести здѣсь, какъ то, такъ и другое. Вотъ, во-первыхъ, транскрипція англійскаго ученаго, расположенная въ порядкѣ строкъ подлинника, какъ онъ реставрируетъ этотъ порядокъ:

1. Mongʿka Dingri yin gʿutchun dur
2. Jïkʿe su dchali yin khiehkhen dur
3. Gʿakhan dcharligʿ manu
4. Tcherikhudun noyad da tcherigʿeran balgʿadun
5. Darugʿas da noyad da yortchigʿun yabugʿun ïl (chin)
6. Dcharligʿ tchinegʿ a(n) daghusgʿuï
7. Dchinggis Gʿakhanu
8. Ökʿôdeï Gʿakhanu
9. Setchen Gʿakhanu
10. Öldcheitu Gʿakhanu

11. G'eulug G'akhanu ba dcharlig' dur doyid ïrk'ekhud sen chingud aliba alba g'ubtchiri ölu ödchen
12. Dïngrï yi dchalbaridschu 'irukher ogunatug'ai gakhek' degsed adchukoï ïdukhe ber bokhesu uridanu
13. Dcharlig'un yosukhar aliba alba g'ubtchiri ölu ödchen
14. Dïngri yi dchalbaridchu 'irukher ogunatug'ai g'akhen Fung-yuen lu dur buk'un Ta Tchung-yang K'an chio geung dur
15. basa hie yuen geung gon dur sag'un sen chingud de baridchu yabukhai
16. Dcharlig' ogbeï ïdenu geung gon kham mïo dur gar yid dur anu ïltchin bu bakhutug'ai ulakha chikhusu bu ba-
17. ritug'ai tamag'a bu ogtugeï geung gone ïle g'ari atan g'adchar usun eran adukhusun bag' tegirmed
18. dïmk'e bidagea din k'u g'alkhun usun heu ongg'otchas terged yakhud k'edi anu basa muï buï gam lo k'i
19. khed g'urban anggide usuna g'akhn li gam yeo akhula k'ed k'ed ber boldchuk'u tchu bu k'urgetugeï buli
20. dchu tatadchu bu abtug'ai ïde basa
21. Dcharlig'tan gakhedchu yosu ögekhuï öïles bu öïledatugeï öïledukhesu ölukhu ayug'nn mud
22. Dcharlig' manu
23. Bars dchil namurun terikhun sara
24. yin g'orin naiman Tchag'akhan Tcha-
25. ng bugoï dur bitchibeï

Относительно этой транскрипціи, г. Уайли замѣчаетъ что въ словѣ iltchin, на 5-й строкѣ, въ печатномъ экземплярѣ ярлыка, изображенъ только первый слогъ ïl, вторую-же половину, tchin, прибавилъ онъ руковод-

ствуясь изображеніемъ этого самаго слова на 16-й строкѣ. Равнымъ образомъ отъ себя счелъ онъ нужнымъ прибавить и букву *n* въ словѣ tchineg'an, на 6-й строкѣ, которой буквы въ печатномъ экземплярѣ сборника (откуда заимствовалъ онъ ярлыкъ, сборника «Ши-мо цзянь-хуа») также не достаетъ.

А вотъ какъ переводитъ онъ реставрированный имъ текстъ по-французски:

«Empereur par la puissance du Dieu éternel et l'assistance d'une destinée heureuse, — Notre commandement:

— Gue l'on sache parmi vous, vous tous officiers militaires, soldats, gouverneurs des villes, officiers civils et commissaires délégués;

— Attendu que, par les commandements de Djinghis, Ogdaï, Setchen, Oeldjaïtu et Guluk khans, il fut ordonné que les prêtrrs, les erkehouns et les instituteurs seraient exemptés de tout service officiel, et se voueraient ertièrement aux devoirs spirituels de leur ministère —

A cet exemple il est également ordonné qu'ils soient exempts de tout service officiel, et qu'ils se vouent aux devoirs spirituels de leur profession. Que cet ordre s'applique à tous les professeurs (ou instituteurs) dans le Ta tchoung-yang Wan-cheou koung, en même temps que dans les salles moins relevées, dans les oratoires et les cloitres dans le Foung-yuen lou, qu'il concerne specialement. Dans les établissements appartenant à ces oratoires, cloîtres, abbayes de religieuses et temples, qu'aucuns messagers officiels ne s'y arrêtent pour se reposer; qu'aucun relais n'y soit fourni pour le service de la poste; qu'aucunes taxes n'y soient payées; mais l'eau, la terre, le peuple, les troupeaux, les jardins, les moulins, les bâtiments, les abris, les magasins, les bains, les barques, les voitures de transport, et tout autre objet appartenant aux

oratoires et cloîtres susdits, comme aussi tout ce qui se trouve en relation avec Mei-peï, Kan-lao, les Trois eaux, et la colline de Li-kan-yo seront protégés contre toute expropriation forcée, et nul ne pourra s'en emparer d'une manière frauduleuse.

Quiconque se permettrait de violer ce decret agirait d'une manière condamnable, suscentible de châtiment; et celui qui s'y confermera évitera d'y être contraint par notre décret imperial.

Ecrit par Tchagan Tsang, le 28-e jour du 7-e mois de l'année du Tigre».

Переводъ этотъ, сдѣланный при помощи китайскаго, сопровождающаго монгольскій текстъ Буянту-ханова ярлыка въ сборникѣ «Шп-мо цзянь-хуа», уступая переводу Бобровникова въ точности, тѣмъ-не-менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ удачно разъясняетъ и поправляетъ неясное и ошибочное въ переводѣ нашего соотечественника. Пользуясь обоими переводами, предлагаемъ слѣдующій опытъ третьяго, который долженъ соединить въ себѣ все кажущееся намъ вѣрнымъ въ нихъ, и устранить ошибки того и другаго; къ переводу нашему присовокупляемъ и нѣкоторыя объяснительныя примѣчанія.

ПЕРЕВОДЪ.

1. «Вѣчнаго Неба силою (изволеніемъ [1])
2. (и) великой благости (его) и могущества подъ охраною (царствующій [2])
3. Хаганъ. Указъ мой.
4. Войсковымъ начальникамъ и воинамъ,
5. Даругамъ [3], ноянамъ [4] и находящимся въ пути посламъ [5]
6. объявляется (сей) указъ [6].
7. Чингисъ-хана,
8. Огодей-хана,

9. Сэценъ-хана [7],
10. Ёльдзэйту-хана [8],
11. и Кулукъ-хана [9] указами повелѣно [10] чтобы Доиды, Эркэуды и Сеншіуды, не подвергаясь никакимъ податямъ и повинностямъ,
12. пребывали въ молитвахъ къ Небу и раздавали благословенія. (Я) нынѣ сущій (хаганомъ), прежнихъ
13. указовъ по примѣру — (о томъ чтобы) никакихъ податей и повинносетй не зная, (а лишь)
14. Небу молитвы возсылая и благословенія раздавая пребывали, проживающимъ [11] въ Huung-uen-lu [12] равно-какъ въ Tai tschung-yang и Wan-cheou-koung [13],
15. и особенно въ Heuen-güng-gon [14] Сеншіудамъ, да продолжаютъ владѣть (тѣми мѣстами [15])
16. указъ (новый) далъ. Въ ихъ, на Güng-gon'ѣ и Gam-meao монастыряхъ послы на не останавливаются, подводъ и довольствія да не
17. берутъ, и тамаги [15] да не взимается. Къ Güng-gon'у и прочимъ поименованнымъ принадлежащихъ земель, водъ, людей, скота, садовъ, мельницъ,
18. житницъ, лавокъ, купалень, бань, лодокъ, телегъ, и, кромѣ того,
19. . . . . [16]
и чего-бы то ни было (никто) насильно да не требуетъ,
20. угрозой или воровски да не беретъ. Всѣ поименованные
21. противъ повѣленнаго указомъ ничего да не учиняютъ, и учинить да боятся.
22. (Сей) указъ мой

23. въ барсовое лѣто, первой осеней луны
24. въ двадцать-осьмое (число), на Цаганъ-Дзангѣ [17]
25. когда (мы) пребывали, написанъ».

Примѣчанія.

1. Фраза которою начинается ярлыкъ Буянту-хана: мöнгкö тэнгэри-јинъ кӱцӱнъ-дуръ — фраза стоящая во главѣ всѣхъ извѣстныхъ монгольскихъ документовъ исходившихъ отъ верховной власти — усвоена монгольскими канцеляріями, со временъ Чингисъ-хана, въ подражаніе китайской формулѣ: Фынъ-тхянъ-юнь, которою начинается въ Китаѣ всякій манифестъ, и есть не болѣе какъ переводъ этой китайской формулы. «Фынь-тхянь-юнь — объясняетъ о. Іакинѳъ — слово-въ-слово значитъ: «по обращенію», или «періодическому движенію Неба». Китайцы полагаютъ что каждое происшествіе, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, имѣетъ свою причину, которая, тайно дѣйствуя въ цѣпи послѣдовательныхъ событій, наконецъ раскрывается въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ, основатель династіи получаетъ престолъ Имперіи по единодушному избранію народа; но предполагается что общее желаніе не есть минутное изступленіе умовъ, а предрасположеніе, исподоволь укорененное въ сердцахъ народа добротами избраннаго и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, добротами его предковъ. Таковое возведеніе и вступленіе на престолъ и называется Фынъ-тхянь-юнь» [1]. — Нѣтъ сомнѣнія что эту китайскую идею усвоили себѣ и монгольскіе императоры, или, вѣрнѣе сказать, усвоили имъ ихъ уйгурскіе и китайскіе секретари. Дѣло это ясное.

---

[1] «Финскій Вѣстникъ» 1847 года, № 5, отд. Наукъ, стр. 4.

2. Но зато весьма темно значеніе и происхожденіе второй фразы: Іэкэ сӯ дзали-инъ ихэ̄нъ-дуръ. Мнѣ кажется что изъ переводившихъ ее такъ-или-иначе никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета, ни въ значеніи отдѣльныхъ ея словъ, ни въ общемъ ея смыслѣ. Фраза эта находилась, должно быть, и въ ярлыкахъ золотоордынскихъ хановъ русскому духовенству: переводчикъ Узбекова ярлыка митрополиту Петру передалъ ее слѣдующимъ образомъ: «и волею (ихэ̄нъ), и величествомъ (дзали) и милостію (су) его (Неба или Бога) многою (ѣкэ)»[1]. У Марка Поло переведены не отдѣльныя ея слова, а выраженъ общій ихъ смыслъ такимъ образомъ: (Par la force du grant dieu) et de la grant grace que il a dönné a notre empire[2]. У Сананъ-Сецэна встрѣчаемъ су и джали также употребленными вмѣстѣ, какъ-бы нѣчто нераздѣльное или дополняющее другъ друга, и только въ соединеніи этомъ имѣющее смыслъ. Шмидтъ, въ своемъ переводѣ Сананъ-Сецэна, передалъ ихъ какъ Majestät des Schutzgeistes[3], а почему именно такъ — неизвѣстно мнѣ. Банзаровъ, объясняя, въ своемъ переводѣ паизѣ Абдуллахъ-хана золотоордынскаго, слово сӯ, также говоритъ: Сӯ, какъ свойство Неба, было для послѣдователей Шаманизма силою охранявшею ихъ отъ злыхъ духовъ, почему можетъ значить также «защита», «охрана» (Schutz), въ какомъ значеніи и передано въ китайскомъ переводѣ Буянту-ханова ярлыка». Джали-же, по его предположенію, означаетъ «сверхъестественное могущества Неба, по понятіямъ Шаманистовъ»[4].

[1] «О достовѣрности ярлыковъ» и т. д. (Москва, 1842), стр. 112.

[2] Le livre de Marco Polo, изд. Потье, I, 255.

[3] Geschichte der Ost-Mongolen u s. w. (St. Petersburg, 1829), s. 284 — 285.

[4] Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, t. V, № 9.

Но если такъ, то какимъ-же образомъ су, эта «охранная сила», въ письмѣ Аргунъ-хана гулагидскаго къ Филиппу-прекрасному, королю французскому, приписывается уже не Небу, а хагану, такъ-какъ Аргунъ, въ письмѣ этомъ, именуетъ себѣ властителемъ хагану-сӯ-дуръ[1], такъ-сказать, «по милости хагана» (которымъ былъ въ это время Хубилай). Дѣло въ томъ что значеніе словъ сӯ и джали въ монгольскомъ языкѣ еще не выяснено надлежащемъ образомъ. Ковалевскій, переводя сӯ словами: «отличіе, преимущество, превосходство», спрашиваетъ не заимствовано-ли оно изъ санскритскаго языка?[2] Шмидтъ-же переводитъ это слово: «отличіе, удостоеніе, избраніе»[3]. Слово дзали или джали Бобровниковъ переводитъ «блескъ», а Банзаровъ — übernatürliche Macht (у Габеленца вся фраза ѣкэ сӯ дзалиjинъ пхэ̄нъ (собственно kiegen) дуръ переведена: durch den Beistand des grossen Schutzgeistes, а у Уайли — par l'assistance d'une destinée heureuse); между-тѣмъ въ словаряхъ у Шмидта и Ковалевскаго кореннымъ значеніемъ этого слова значится «пламя» (а потомъ «обманъ»), что̀ несомнѣнно подтверждается тѣмъ же самымъ значеніемъ и однокорненнаго съ нимъ тюркскаго слова ялынъ, или ялкынъ (يالقين ,يالين). А извѣстно что огонь у Монголовъ и другихъ кочевниковъ Средней-Азіи служилъ предметомъ поклоненія, на-равнѣ съ Небомъ, и считается элементомъ очищающимъ и охраняющимъ, вслѣдствіе чего иноземцевъ допускали къ властителямъ степнымъ

[1] Абель-Ремюза: Mémoire sur les relations politiques des princes Chrétiens etc. avec les empéreurs Mongols (Paris, 1824), planche I; Шмидта: Philologisch-kritische Zugabe zu den zwei mongolischen original-Briefen u. s. w. (St.-Pétersburg, 1824), ss. 6—9.

[2] «Монгольско - русско - французскій словарь» (Казань, 1846), т. II, стр. 1377,*a*.

[3] «Монголо-нѣмецко-россійскій словарь» (СПБ., 1835), стр. 365,*a*.

неиначе какъ заставивъ ихъ предварительно перешагнуть черезъ воспламененный костеръ, т. е. очиститься огнемъ отъ всякаго зла и вреда, который могли-бы они, пожалуй, причинить властителю: припомнимъ такой пріемъ Земарха у Дизавула, въ VII-мъ, Плано-ди-Карпини у Батыя, въ XIII-мъ вѣкѣ[1]. Съ другой стороны, такимъ же предметомъ поклоненія служила и вода[2]. Какъ монгольское джали однокорненно съ тюркскимъ

---

[1] Менандръ, византіецъ, разсказывая о томъ какъ Земархъ, посолъ императора Юстина къ хану Турковъ Дизавулу, прибылъ въ подвластную послѣднему землю Согдаитовъ, описываетъ что при этомъ вещи византійскаго посольства очищены были огнемъ, а затѣмъ Турки и самого Земарха провели черезъ пламя. Только послѣ такого очищенія дозволено было ему со свитою слѣдовать далѣе, въ орду къ Дизавулу (см. «Византійскіе историки»; пер. С. Дестуниса. СПБ. 1861, стр. 376). «Когда — разсказываетъ Плано-ди-Карпини — добрались мы, на границахъ земли Команской, до Батыя, расположили насъ въ разстояніи одной левки отъ его мѣстопребыванія. Когда-же надо было намъ отправляться въ его ставку, намъ сказали что пройти туда должны мы между двумя огнями. Мы никакъ на это не соглашались, но они сказали: «Ступайте смѣло: намъ это нужно для того только что если вы зло какое замышляете на государя нашего, или ядъ при себѣ имѣете, то огонь истребитъ все злое» (см. Языкова: «Собраніе путешествій къ Татарамъ». СПБ. 1823, стр. 18). О почитаніи огня Монголами до настоящаго времени, см. статью Гомбоева въ «Трудахъ» Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. т. IV, стр. 238—240.

[2] Это видно, между прочимъ, изъ постановленій заключающихся въ Чингисовомъ «Яса» (уложеніи), гдѣ законодатель узаконилъ бо́льшею частію лишь вѣрованія своего народа, до него существовавшія. Такъ, по «Яса», смертная казнь назначалась тому кто «испускаетъ мочу на воду» (т. е. оскверняетъ тѣмъ священную стихію); съ тою же цѣлію, воспрещалось «брать воду горстью (повелѣвалось черпать ее сосудомъ), и мыть въ водѣ бѣлье» (его должно было носить, пока не развалится отъ ветхости). См. Chrestomathie Arabe, par de Sacy (Paris, 1826), t. II, pp. 160—161.

ялынъ, такимъ же образомъ, быть можетъ, и для обозначенія воды служило въ-древности у Монголовъ тоже самое слово которымъ обозначается оно и доселѣ у Тюрковъ, т. е. су (صو). Впослѣдствіи, первоначальное значеніе обоихъ словъ могло утратиться, и у Монголовъ остались въ употребленіи лишь ихъ производныя значенія, въ качествѣ небесныхъ силъ — значенія «благости» и «могущества» — въ какомъ смыслѣ, полагаю, и употреблены эти слова въ разсматриваемой фразѣ, вездѣ гдѣ она встрѣчается. При такомъ предположеніи, слово сӯ получаетъ подходящее значеніе и въ письмѣ Аргунъ-хана къ Филиппу - прекрасному: «(Я) Аргунъ (царствующій) по изволенію Вѣчнаго Неба и по благости Хагана».

3. Даруга'ми звались у Монголовъ правители завоеванныхъ странъ, поставлявшіеся съ цѣлію извлеченія, «выжиманія» (откуда и самое слова даруга, «выжиматель»; тоже самое значеніе имѣетъ и тюркское баскакъ) изъ нихъ положенныхъ податей и установленнаго контингента людей (воиновъ, ремесленниковъ и т. д.). Впервые, какъ извѣстно, такіе даруги разосланы были Чингисъ-ханомъ по покореннымъ городамъ въ 1223 году [1].

4. Подъ ноядъ, «ноянами», едва-ли не слѣдуетъ разумѣть здѣсь исключительно «принцевъ крови», которые имѣли свои удѣлы въ подвластныхъ императору странахъ, и потому могли прижимать его подданныхъ своими требованіями.

5. Выраженіе jорчихунъ-ябухунъ ильчи объясняется соотвѣтствующимъ ему, въ позднѣйшихъ ярлыкахъ писанныхъ на тюркскихъ нарѣчіяхъ — يورور ايشور ايلچى («ѣдущіе-проѣзжающіе послы»): значитъ, ярлыкъ

[1] По «Ганъ-му». См. изданную о. Іакинѳомъ «Исторію первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова» (СПБ. 1829), стр. 125.

обращается къ тѣмъ посламъ (или гонцамъ) «какіе случатся проѣздомъ въ странѣ».

6. И Габеленцъ, и Уайли, не разобравъ расположенія словъ въ 5 и 6-й строкахъ ярлыка, слогъ чинъ (отъ ильчинъ) перенесли изъ 5-й строки, куда онъ принадлежитъ, на 6-ую, и вставили его между словами дзарликъ и дулгахуй, которое прочитали дагускуй: вышла безсмыслица, изъ которой обое выпутались лишь благодаря существованію китайскаго перевода.

7. Сэценъ-ханъ («мудрый», «опытный») — имя принятое, въ 1260 году, Хубилаемъ, сыномъ Тулуя, внукомъ Чингисъ-хана.

8. Ёльдзэйту-ханъ — это имя («удачливый», «добычливый») принято было, по вступленіи на престолъ Монгольской Имперіи, въ 1294 году, Тимуромъ, сыномъ Хубилаевымъ.

9. Кўлўкъ-ханъ («твердый», «постоянный») — имя принятое по вступленіи на престолъ, въ 1308 году, Хайсаномъ, сыномъ Дарма-балы, внукомъ Чингима, правнукомъ Хубилаевымъ.

10. «Повелѣно» (гэкдэксэнъ), вставилъ я сюда, для ясности смысла, изъ 12-й строки.

11. «Проживающимъ»: такъ перевожу я букунъ этой, и ахунъ 15-й строки.

12. Въ китайскомъ переводѣ это имя передано Fung-yuen-lu. Наиболѣе подходящій къ этому имени третьеклассный городъ Foung-yun находится недалеко отъ Пекина къ В. Ю. В., подъ 39° 54′ С. Ш. и 115° 53′ Д. отъ Парижа.

13. Если эти шесть китайскихъ словъ, слѣдующихъ въ текстѣ одно за другимъ безо всякаго между ними раздѣленія, Уайли правильно дѣлитъ на два имени: Tatchoug-yang, и Wan-cheou-koung, то къ первому бли-

же всего подходитъ Та-Tching, третьеклассный городъ въ Печелійской губерніи, къ югу отъ Пекина, подъ 38° 48′ С. Ш. и 114° 20′ В. Д. отъ Парижа; а къ послѣднему — Wan-cheou, имя прежняго третьеклассnаго округа, образованнаго при Тханской династіи, Сычуаньской провинціи въ губерніи Чунъ-цинъ-фу. См. Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de premier, deuxième et troisième ordre compris dans l'empire Chinois, par Ed. Biot (Paris, 1842), p. 263,*a*.

14. Heuen-güng-gon монгольскаго текста передано въ китайскомъ переводѣ Hia-youen-kung-kuan. Этихъ мѣстностей я не могъ пріучить по словарю Біо.

15. Тамага, по-монгольски «тавро», «штемпель», стало означать потомъ, когда Монголы ознакомились съ фискальными мѣрами и учрежденіями осѣдлыхъ странъ, «пошлину», «акцизъ».

16. Содержаніе конца 18-й и начала 19-й строки не было понято, кажется мнѣ, ни Габеленцемъ, ни Уайли, ни Бобровниковымъ: потому я оставляю ихъ безъ всякаго перевода.

17. Цаганъ-Дзангъ есть явно названіе урочища, гдѣ находился Буянту-ханъ когда давалъ указъ. Названіе этого урочища весьма можетъ значить по-монгольски «Бѣлая-Трость» (бѣдый камышъ). Ярлыкъ золотоордынской ханьши Тайдулы русскому митрополиту Іонѣ также былъ данъ когда «орда (т. е. ханская ставка) на Желтой-Тростн кочевала». *В. Григорьевъ*]

III. Общія замѣчанія о квадратномъ монгольскомъ письмѣ.

1. Основу квадратнаго письма составляетъ тибетскій алфавитъ. Всѣ квадратныя буквы объясняются

изъ буквъ тибетскихъ; кромѣ того, въ этомъ письмѣ сохраняются тибетскіе законы: а) отдѣлять слогъ отъ слога, не ставить никакихъ знаковъ для отдѣленія одного слова отъ другаго, и вообще не употребляеть никакихъ знаковъ препинанія; и б) гласный звукъ *а* не опредѣлять никакимъ знакомъ когда онъ находится въ сочетаніи съ согласною, такъ-что *б* читается ба, *д* — да, если не находится при нихъ гласныхъ знаковъ изъ числа *э*, *и*, *о* и *у*.

2. Буквамъ придана квадратная форма чрезъ превращеніе буквъ имѣющихъ круглыя начертанія въ тибетскомъ языкѣ — въ квадратики, и черезъ отрѣзку тибетскихъ хвостиковъ выходящихъ изъ строки. Примѣромъ перваго случая можно поставить букву *ч* въ первомъ слогѣ третьей строки нашего текста, въ которой тибетское ཆ обратились въ квадратную рѣшётку. Примѣромъ втораго случая можетъ служить, на той же строкѣ, тибетская буква ཧ = ха, употребленная въ значеніи *г*, у которой обрѣзанъ, выходящій внизъ тибетской строки, хвостъ. Многихъ примѣровъ указывать, кажется, нѣтъ надобности, потому-что все письмо имѣетъ очевидную наклонность обращаться въ квадратики. Откуда-же явилось въ немъ такое стремленіе?

На мой взглядъ, это — вліяніе китайскаго письма, которое не любитъ круглыхъ линій, неудобныхъ для изображенія ихъ кистью.

Но если это такъ, то составитель квадратнаго алфавита не вполнѣ выдержалъ свою идею, потому-что

и, *у*, *я*, *а*, и другія буквы сохраняютъ въ немъ тибетскія круглыя формы. Правда, въ заголовкѣ, въ словахъ: тай-хуанъ тай-хіу и-джи, всѣ линіи составляющія буквы соединяются между собою подъ прямыми углами, и каждый слогъ изображенъ такъ, что представляетъ собою прямоугольникъ, совершенно одинаковаго размѣра съ прочими. Но это сдѣлано очевидно для украшенія заголовка, и никакъ не можетъ представлять нормальнаго квадратнаго письма. Доказательствомъ можетъ служить буква *и* трижды употребленная въ этомъ заголовкѣ: въ первый разъ, въ словѣ хіу, она написана очень просто потому-что квадратикъ выполнялся чертами другихъ буквъ; въ слогахъ же и-джи она изображена со многими изгибами, очевидно для того чтобы выполнить квадратикъ. Итакъ это — фигурное письмо, а не правописаніе. Замѣтьте при томъ что изъ этихъ шести квадратовъ, въ трехъ — по осьми горизонтальныхъ черточекъ, и въ трехъ — по десяти. Эти-послѣдніе — хуанъ, и-джи. Это также имѣетъ свое основаніе: въ первомъ слогѣ букву *а* нужно было изобразить такъ чтобы концы ея расходились въ разныя стороны, какъ она изображена въ первомъ слогѣ второй строки текста; въ двухъ другихъ букву *и* нужно было изобразить такъ чтобы конецъ ея смотрѣлъ въ правую сторону, для выраженія крючка: это и заставило въ этихъ квадратикахъ потѣсниться и прибавить по лишней горизонтальной чертѣ. Во всякомъ случаѣ, однако, замѣтно что издаваемая нами копія грамоты писана китайскою кистью, а не камышемъ, какъ

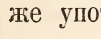
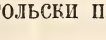
пишутъ Тибетцы. Кажется, связь этого письма съ китайскимъ должно выразить такимъ положеніемъ что составитель его хотѣлъ подражать Китайцамъ квадратиками, но не развилъ идеи своего китаизма до того чтобы выдержать его вполнѣ и подчинить письмо китайской кисти.

3. Письмо это, вмѣсто тибетскаго расположенія строкъ горизонтально, отъ лѣвой руки къ правой, располагаетъ строки вертикально, въ томъ расположеніи строкъ какъ пишутъ Монголы нынѣ, и какъ написанъ памятникъ Чингисъ-хановскаго времени объясненный Банзаровымъ. Конечно, такое расположеніе строкъ нельзя признать за изобрѣтеніе по вдохновенію, если примемъ во вниманіе что авторъ могъ имѣть передъ глазами только слѣдующія письмена: тибетское и санскритское — съ расположеніемъ строкъ отъ лѣвой руки къ правой горизонтально; китайское — вертикальное, съ расположеніемъ строкъ отъ правой руки къ лѣвой; и уйгуро-монгольское — такое же вертикальное, но съ расположеніемъ строкъ отъ лѣвой руки къ правой; да, можетъ, быть еще арабское — съ расположеніемъ строкъ горизонтально отъ правой руки къ лѣвой.

А какъ онъ взялъ именно уйгуро-монгольскую манеру расположенія строкъ, и для этого измѣнилъ правописаніе тибетское, то, кажется, можно смѣло заключать что уйгуро-монгольское письмо было ближайшимъ его руководителемъ при составленіи квадратнаго алфавита.

4. Монгольское расположеніе строкъ потребовало и монгольскаго расположенія гласныхъ знаковъ. Въ тибетскомъ письмѣ, какъ упомянуто выше, гласный звукъ *а* не пишется, гласныя *э*, *и*, *о* пишутся надъ согласною, согласная *у* — подъ согласною, т. е. въ видѣ надстрочныхъ и подстрочныхъ гласныхъ знаковъ употребляемыхъ въ арабскомъ алфавитѣ. Въ квадратномъ-же письмѣ принято ставить эти гласные знаки вслѣдъ за согласною, въ строкѣ, такъ-что они представляютъ уже не тибетскіе гласные значки, а гласныя буквы въ томъ значеніи какъ пишемъ ихъ мы, и какъ пишутъ Монголы. Значитъ, это ещё слѣдъ вліянія уйгуро-монгольскаго письма на квадратный алфавитъ.

5. Разсматривая этотъ алфавитъ съ филологической стороны, или съ точки приложенія его къ монгольскому языку, замѣчаемъ съ первой строки, именно со слова хан-у, что тибетское ཨ (а), считаемое въ числѣ согласныхъ буквъ, здѣсь выражаетъ долготу гласнаго звука ā; т. е. это тоже что̀ монгольское ᠠ и калмыцкое ᠠᠭᠠ; или, изображая это русскими буквами на манеръ квадратнаго расположенія слоговъ, ха-га-ну и ха̄-ну. Значитъ, квадратный алфавитъ въ словѣ ханъ видѣлъ только одинъ слогъ съ долгою гласною, какъ пишутъ это Калмыки, и какъ оно дѣйствительно выговаривается. Что̀-же хотѣлъ выразить этою буквою квадратный алфавитъ: долготу гласной, безъ анализа ея, какъ это принято въ калмыцкомъ письмѣ, или — при-

сутствіе здѣсь гортаннаго придыханія въ сліяніи съ гласною буквою, которое и дѣлаетъ букву долгою, и которое выражается по-монгольски отдѣльнымъ слогомъ га? Соображаясь съ другими употребленіями этой буквы въ квадратномъ письмѣ, должно заключить что составитель письма хотѣлъ выразить этою буквою только присутствіе гортаннаго придыханія. Второй примѣръ такого же употребленія тибетской буквы  встрѣчается, какъ въ нашей грамотѣ, такъ и въ грамотѣ изданной Габеленцемъ, въ словѣ ула, «подвода», которое по-монгольски пишется  , а по-калмыцки  . Въ словѣ гэгэксэнъ, послѣднемъ на 7-й строкѣ императрицыной грамоты, буква эта стоитъ между согласною *г* и гласною *э*, въ слогѣ гэк-сэнъ, также для выраженія долгой гласной, но на этотъ разъ уже въ словѣ мягкаго звука. Но далѣе буква эта встрѣчается въ словѣ адӯсунъ, уже не въ такомъ правописаніи: слѣдовало-бы ее приставить, по выше-изложенному правилу, къ буквѣ *у* въ слогѣ дӯ, чѣмъ-бы и обозначилась долгота этого слога; но она здѣсь, подъ управленіемъ особой гласной, представляетъ отдѣльный слогъ, такъ-что должно читать а-ду-ау-сунъ. Имѣя въ виду, что по-монгольскому правописанію слово это пишется  , адагусунъ, должно предполагать что въ этомъ случаѣ тибетское  (а) уже замѣняетъ монгольское га при долгомъ звукѣ, и слѣдуетъ заключить что составитель алфавита произно-

силъ это слово не за адӯсунъ, какъ произносится и пишется нынѣ Калмыками, а за адугусунъ, какъ пишется по-монгольски. Подобное употребленіе этой буквы мы видимъ еще въ словахъ: ба-гу-ту-гай, произносимомъ бӯтугай; въ шигусу, произносимомъ шӯсу; въ халагунъ произносимомъ халӯнъ; въ тэригутэнъ произносимомъ тэрӯтэнъ, и проч. Почему-же изъ хаганъ является хānъ, и изъ улага — улā, а изъ адагусунъ и прочихъ ему подобныхъ словъ не родилось адӯсунъ, какъ нынѣ произносится, а какое-то а-ду-гу-сунъ? Далѣе замѣчаемъ за этою буквою что на 3-й строкѣ императрицыной грамоты, въ словахъ черигудунъ, аймагудунъ, встрѣчается она еще въ новомъ значеніи — въ значеніи *г*; здѣсь это *г* имѣетъ не то значеніе какъ въ словахъ хаганъ, улага, адугусунъ, и прочихъ имъ подобныхъ. Здѣсь *г* образуется изъ монгольскихъ конечныхъ *к* (ᠺ и ᠻ) присоединеніемъ къ нимъ гласныхъ буквъ наращенія, выговаривается за густое *г*, почти какъ латинское *g*, и не скрадывается въ произношеніи. Всѣ эти употребленія тибетской буквы ག показываютъ что ей присвоено право употребляться, и при твердыхъ, и при мягкихъ гласныхъ слова; а извѣстно что въ монгольскомъ письмѣ гортанныя буквы тѣсно связаны съ гласными, и служатъ, въ тѣхъ словахъ гдѣ эти буквы употребляются, точными указателями для произношенія гласныхъ звуковъ, въ монгольскомъ алфавитѣ изображаемыхъ весьма неопредѣленно. Что-же хотѣлъ квадратный алфавитъ выра-

зить такимъ правописаніемъ этой гортанной буквы? Казалось-бы вѣроятнымъ то, что онъ, принимая для каждой гласной особенное начертаніе, почелъ ненужнымъ свидѣтельство объ нихъ согласныхъ буквъ, потому-что въ немъ *а* и *э* не могутъ смѣшаться, и придуманы знаки для мягкихъ ӧ и ӱ, въ отличіе отъ *о* и *у*. Но что̀ дѣйствительно было у него на умѣ — въ-точности извѣстно одному Аллаху. Намъ остается только поговорить объ его правописаніи съ возможною подробностію.

6. Буква ᠬ, первая обратившая на себя наше вниманіе, затягивая насъ въ квадратную систему гортанныхъ буквъ, обязываетъ прослѣдить ихъ по порядку. Х, въ словѣ ханъ, выражается тибетскою буквою ཧ Затѣмъ, таже буква встрѣчается въ словѣ балагадунъ въ значеніи *г*, какъ мы произносимъ эту букву, и какъ это слово пишется нынѣ; но можетъ быть произносилось оно и балахадунъ. Затѣмъ, эта буква встрѣчается въ словѣ даругасъ: тутъ принять ее снова въ значеніи *х* уже трудно, потому-что даруги намъ давно извѣстны. Затѣмъ, оно является въ видѣ *к* въ словѣ аймакъ (на 3-й строкѣ), гдѣ буква *к* произносится нѣсколько гортаннѣе чѣмъ наше *к*, въ видѣ *кг*; таково же значеніе ея и въ словѣ бакъ (на 5-й строкѣ отъ конца). Въ словахъ jорчихунъ, ябухунъ (строка 4-я) оно является въ видѣ нашего *х*, которое должно, однако, произносить погуще. Въ послѣднемъ словѣ помянутой строки букву эту, дважды употребленную, мы читаемъ: въ пер-

вомъ случаѣ — въ родѣ латинскаго *g*, во второмъ — за русское *х*. Затѣмъ, она является въ словѣ хубчири (стрк. 6-я) за *х*, а въ словѣ атугай (на 7-й строкѣ) за *г*. Въ словѣ дзарлигунъ (стрк. 9-я) — въ такомъ же значеніи какъ употреблено въ словѣ аймагудунъ; а въ словѣ тамга она выговаривается за *г*, такъ же какъ и въ словѣ газаръ. Итакъ эта буква служитъ для выраженія *х*, *г*, *g* и *к* конечнаго, употребляется-же только въ словахъ твердаго звука, что̀ особенно замѣчательно какъ законъ правописанія, и даетъ основаніе заключать что эта буква изображаетъ монгольское , надстрочнымъ значкомъ измѣняемое въ *г* , а въ срединѣ слова предъ согласною и въ концѣ слова, въ видѣ , соотвѣтствующее звуку *кг*, передъ гласною-же наращенія произносимое за латинское *g*.

7. Тибетскій знакъ не принятъ въ квадратномъ письмѣ, столько оно извѣстно изъ императрицыной грамоты, Буянту-ханова ярлыка, и двухъ пайзѣ, но вмѣсто него существуютъ двѣ другія буквы, которыя изображаются съ подвѣшеннымъ къ горизонтальной чертѣ ящикомъ съ лѣвой или съ правой стороны. По алфавиту изданному Банзаровымъ (о которомъ мы поговоримъ ниже), первый знакъ соотвѣтствуетъ тибетскому , а второй ; но послѣдній знакъ, какъ мы видѣли выше, употребляется въ квадратномъ пись-

мѣ самостоятельно для обозначенія звуковъ *х*, *г* и *g* при твердыхъ звукахъ, и, какъ увидимъ ниже, отличается въ правописаніи отъ квадратнаго знака съ ящичкомъ на правой сторонѣ. Единственный случаѣ сближенія ихъ въ одномъ значеніи имѣемъ мы только въ двухъ извѣстныхъ памзѐ, въ словѣ мӧн-кӧ, для выраженія буквы *к*.

Въ первый разъ въ грамотѣ императрицыной такая буква съ ящичкомъ на лѣвой сторонѣ встрѣчается въ словѣ черикъ, въ значеніи *к* и *кг*, мягкихъ по звуку слова; во второмъ случаѣ — въ словѣ иргэнэ, въ значеніи *г*, или латинскаго *g*; на 7-й и 9-й строкахъ — въ словахъ ӱгӱнъ, и на 7-й строкѣ въ словѣ гээк-сэнъ, очевидно для выраженія густаго произношенія буквы *г*; на 10-й — въ такихъ же случаяхъ; на 13-й — для выраженія *к* при мягкихъ гласныхъ въ словѣ ӧк-бӧй; на 15-й — въ смыслѣ *g*, тоже при мягкихъ гласныхъ, въ словѣ (кӱр)-гэтӱ-гэй. Буква съ ящичкомъ на правой сторонѣ является впервые въ текстѣ императрицыной грамоты на 6-й строкѣ отъ начала, въ словѣ эркэудъ, и затѣмъ на слѣдующей строкѣ, въ словѣ гэк-сэнъ — въ значеніи *к*; затѣмъ, на 5-й отъ конца строкѣ въ словѣ кэ-битъ, кӱ; далѣе, на 4-й отъ конца — въ словѣ кэжи, и затѣмъ въ двухъ слѣдующихъ словахъ: кэдъ, кэда-бэръ, въ значеніи также буквы *к*, или *кх*. Значитъ, эта буква соотвѣтствуетъ монгольскому ᠺ и калмыцкому ᠺ (*к*), и употребляется также при мягкихъ звукахъ слова, въ сочетаніи-же съ гласною *и*

можетъ стоять и въ словахъ твердаго звука, подобно соотвѣтствующей монгольской буквѣ. Такъ она употреблена на послѣдней строкѣ императрицыной грамоты въ словѣ такія, «курица», которое монгольскимъ письмомъ изображается .

Въ алфавитѣ изданномъ Банзаровымъ есть еще квадратный знакъ для выраженія тибетскаго ག, который только одинъ разъ встрѣчается въ извѣстныхъ памятникахъ квадратнаго письма, и притомъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ, именно въ Габеленцевомъ ярлыкѣ, въ словѣ екэ, (строка 2-я) для выраженія буквы *к*, или *кх*, при мягкомъ звукѣ. Какую тонкость гортаннаго звука въ этомъ единственномъ случаѣ хотѣлъ выразить квадратный алфавитъ — мы опредѣлить не можемъ. Тибетская соотвѣтствующая буква значитъ *g* и *к*; но звукъ монгольской согласной въ этомъ словѣ мы не можемъ отличить отъ подобнаго звука въ словѣ мунг-кэ или мӧнг-кӧ, изображаемаго другими буквами квадратнаго алфавита.

Итакъ въ квадратномъ письмѣ имѣется 5 буквъ для выраженія монгольскихъ гортанныхъ звуковъ *г*, *х*, *g* и *к*, тогда-какъ въ уйгуро-монгольскомъ письмѣ существуетъ для этого только три знака. Это показываетъ какъ-будто стремленіе къ уточненію изображенія звуковъ; но изъ изложеннаго ихъ употребленія ясно что онѣ производятъ только путаницу въ правописаніи, нисколько не уточняя изображенія звуковъ.

8. Изъ прочихъ согласныхъ буквъ, стоитъ обратить

вниманіе еще на тибетскую букву ཇ джа, которая, какъ въ грамотѣ нами изданной, такъ и въ ярлыкѣ изданномъ Габеленцемъ, пишется всегда одинаково въ словахъ дзарликъ, дзалбаржу и проч., но читается двояко: за *з* и за *дж*.

Можно, конечно, предположить что мы ошибаемся въ чтеніи, произнося слова по сѣверному монгольскому произношенію, которое, какъ извѣстно, смягчается южными Монголами, и потому можетъ-быть должно произносить эти слова джарликъ, джалбариджу; это предположеніе поддержала-бы и самая буква, которая въ тибетскомъ алфавитѣ считается за джа; но слова ӱ-дзэнъ, или ӱзэнъ, дважды повторенныя въ грамотѣ императрицы (на 6 и 8-й строкѣ), такъ же какъ и въ текстѣ Габеленца, изображаютъ букву *дз* или *з* совершенно одинаково со словомъ зарликъ, и невѣроятно чтобы въ этомъ случаѣ какое-нибудь монгольское нарѣчіе произносило ихъ за *ж*, или джа, такъ-какъ даже извѣстное монголо-тюркское измѣненіе *j* въ *з* и *ж* имѣетъ мѣсто только въ началѣ слова.

9. Изъ согласныхъ буквъ обращаетъ на себя вниманіе еще тибетская буква ཟ = *з*, употребленная въ обѣихъ грамотахъ вмѣсто буквы *с*, въ одномъ словѣ сара, «мѣсяцъ», «луна». Вѣроятно, употребленіе въ этомъ случаѣ тибетской буквы *з*, вмѣсто *с*, основано на особенности монгольскаго нарѣчія которое квадратный алфавитъ принялъ за нормальное, и въ которомъ сара по-сѣверному, произносилось зара.

10. Не мѣшаетъ замѣтить и о буквѣ ཧ *x*, играющей въ тибетскомъ языкѣ роль какого-то придыханія, а въ извѣстныхъ намъ квадратныхъ письменахъ употребляемой только въ словахъ аранъ, «человѣкъ» и иругэръ, «обѣтъ», «благожеланіе», передъ гласными *a* и *u*. Вѣроятно, эти слова произносилось, на томъ нарѣчіи котораго держался этотъ алфавитъ, харанъ, или ha-ранъ, и хиругэръ, или hиругэръ. Въ нынѣшнемъ монгольскомъ языкѣ первое слово извѣстно только во множественномъ числѣ — аратъ, «люди», «народъ»; однако въ старинныхъ рукописяхъ встрѣчается оно и въ единственномъ числѣ, и пишется , т. е. безъ придыханія. Слово это затруднило Габеленца, и онъ читалъ его эрэ, «мущина», чувствуя самъ, что значеніе «мужъ», «мущина», нейдетъ къ дѣлу. Иругеръ по-монгольски пишется также безъ придыханія  , но въ калмыцкомъ обратилось въ jöröl  .

11. Обратимъ теперь вниманіе на систему гласныхъ звуковъ.

Гласная *a* въ сочетаніи съ согласною, какъ замѣчено выше, не пишется, но когда она, начиная слово, представляетъ отдѣльный слогъ, представителемъ ея служитъ тибетская буква ཨ, имѣющая такое же значеніе и въ тибетскомъ языкѣ; такъ она находится въ словахъ: а-ли-ба — на 4-й строкѣ императрицыной грамоты, а-ту-гай — на 5-й, и т. д.

Гласные знаки *u*, *o*, *y*, поставляемые въ этомъ

письмѣ послѣ согласныхъ, такъ близки къ тибетскимъ что узнаются безъ всякаго затрудненія. *Э* имѣемъ нѣсколько особенное начертаніе, однако тоже не очень далеко уклонившееся отъ тибетскаго, и очевидно что это изображеніе, въ видѣ скобки, придано ей для того чтобы не смѣшивать ея съ другими буквами, главное, со знакомъ для выраженія носоваго *н*, въ которомъ одна лишняя противъ тибетскаго письма горизонтальная черточка назначается очевидно для связи буквъ. Но въ алфавитѣ изданномъ Банзаровымъ тибетскій знакъ *э* передается въ квадратномъ письмѣ, точно съ тибетскимъ, въ видѣ одной нѣсколько-изогнутой горизонтальной черты.

Изъ этихъ гласныхъ буквъ, начинающими слово безъ предшествующей согласной, въ нашемъ ярлыкѣ и въ ярлыкѣ изданномъ Габеленцемъ, являются только буквы *и*, *э* и *у*.

Буква *у*, такъ-какъ по тибетскому письму она должна быть привязана къ чему-нибудь, является подвязанною къ горизонтальной чертѣ вертикальною связкою въ срединѣ; въ такомъ видѣ она является на 12-й строкѣ въ словѣ улага, или у-ла, а на 13-й — дважды, въ словѣ у-сунъ; очевидно, здѣсь горизонтальная черта не имѣетъ никакого собственнаго значенія; она здѣсь не болѣе, какъ уйгуро-монгольскій заглавный зубчикъ.

И, въ началѣ слова, является только въ словахъ иджи и иргэнъ — на 4-й строкѣ, и подвязывается къ тибетской буквѣ ཇ. Трудно судить, нормальное-ли это

ея правописаніе, и не означаетъ-ли здѣсь предшествующее тибетское ཨ какого-нибудь придыханія; однако иргэнъ по-монгольски пишется безъ придыханія.

Э, въ началѣ снова, является въ словахъ элчи, «посолъ» и эдэ, «сіи», нѣсколько разъ повторенныхъ, и, кромѣ того, въ словѣ э-јинъ, «такъ», и имѣетъ въ этомъ случаѣ особое отъ срединнаго, замѣчательное начертаніе—начинается горизонтальною чертою, очевидно имѣющею такое значеніе какое имѣетъ подобная черта при начальномъ *у*, то-есть, представляетъ начальный зубчикъ безъ особаго значенія; затѣмъ слѣдуетъ знакъ напоминающій тибетскую букву ཀ, но безъ удлиненнаго хвоста, какъ замѣтили мы выше, обыкновенно отсѣкаемаго въ квадратномъ письмѣ. Очевидно что, по значенію, эта тибетская буква не имѣетъ никакой связи съ звукомъ *э*. Јотированія *э* также нельзя предполагать, потому-что для этого употребляли-бы, вѣроятно, тибетское ཡ, употребляемое въ этомъ значеніи передъ *и*, *о* и *у* въ словахъ э-јинъ, јо-су, а-јухунъ. Слѣдя далѣе за употребленіемъ этой буквы, встрѣчаемъ ее въ срединѣ слога: въ словахъ тэнг-ри, «небо», и дэмъ, «житница» — въ значеніи *э*; тоже — въ гэй-дэнъ, на 5-й строкѣ отъ конца въ послѣднемъ слогѣ дэнъ; въ словахъ-же дӯлгахуй (строка 4-я), ӱктӱгэй, кӱргэтӱгэй, ӱгэгӱй, бичибэй (на строкахъ отъ конца 5-й, 3-й, 2-й и послѣдней) — въ значеніи конечнаго *й*; и въ срединѣ слова, но въ концѣ слога — для означенія такого же *й* въ словахъ ӱй-лэсъ, ӱй-лэ-дӱ-гэ-сӱ

(на предпослѣдней строкѣ императрицыной грамоты). Но въ словахъ атугай (строки 7-я и 9-я), багутугай и баритугай (на 6-й строкѣ отъ конца), абтугай (на 4-й строкѣ отъ конца) и въ срединѣ слова, но въ концѣ слога (на 3-й строкѣ отъ начала), въ словахъ аймакъ, употреблено для выраженія нашего краткаго *й* другое сочетаніе, именно сложенное изъ тибетскаго ཡ, и знака *и*, т. е. по-тибетски ཡི, не въ видѣ отдѣльнаго слога. Тибетская буква ཡ употребляется также для выраженія русскаго *й* (на 5-й строкѣ отъ конца) въ словѣ гэй-дэнъ, которое мы переводимъ «холодный». Что̀ хотѣло выразить квадратное письмо такимъ употребленіемъ особеннаго начертанія буквы *э* въ началѣ слова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и посрединѣ, и затѣмъ смѣшеніемъ этой буквы съ краткимъ *й*, но не во всѣхъ случаяхъ — рѣшить трудно. О значеніи этой буквы какъ конечнаго въ словѣ, или слогѣ, знака для изображенія русской *й*, по большинству случаевъ можно-бы было предположить что она изъ начальнаго *э* переходитъ въ конечное *й* для отличенія знака этой буквы въ употребленіи при мягкихъ словахъ — отъ другаго сочетанія, употребляемаго при твердыхъ. Но дулгахуй и гэй-дэнъ составляютъ неопровержимое возраженіе противу этого правила, ибо они одинаково написаны, какъ въ изданной нами грамотѣ, такъ и въ изданномъ Габеленцемъ ярлыкѣ; значитъ, нельзя предполагать описки въ правописаніи. Замѣтимъ, между прочимъ, для соображенія филологовъ,

что монгольское *й* не совершенно соотвѣтствуетъ русскому *й*; монгольское *й* есть мягкое придыханіе дѣлающее предшествующую гласную долгою, и почти неслышное въ произношеніи особо. Оно стоитъ въ параллели съ твердымъ придыханіемъ выражаемымъ буквою *г* въ твердомъ и мягкомъ произношеніи этого звука, то-есть съ монгольскими знаками и .

Начертаніе этой буквы, минуя тибетскій знакъ  , очевидно неимѣющій никакой связи съ ея значеніемъ, можно объяснять съ равною вѣроятностью изъ тибетскаго двойнаго знака *э*, употребляемаго для выраженія санскритской другласной ай, въ видѣ , или изъ монгольскаго знака для выраженія *й* въ срединѣ слова, въ видѣ также двухъ наклонныхъ зубцевъ, на-примѣръ въ словѣ аймакъ  . Но какую тонкость звука имѣлъ въ виду квадратный алфавитъ смѣшивая и различая въ этой буквѣ знаки для выраженія *э* и *й*, рѣшить мы не можемъ, хотя чтеніе текста и не представляетъ никакого затрудненія.

Для изображенія двухъ остальныхъ гласныхъ монгольскаго языка, мягкихъ ӱ и ӧ, въ тибетскомъ алфавитѣ уже нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ, и потому они выражены комбинаціею буквъ. Мягкое ӧ въ нашей грамотѣ впервые встрѣчается, на 4-й строкѣ, въ двухъ первыхъ слогахъ слова ӧ-тӧ-гӱ-сэ, какъ въ значеніи ӧ начинающаго слогъ, такъ и въ значеніи ӧ слѣдующаго за согласной. Первое составлено изъ тибет-

скаго представителя гласной (𑖀) и знаковъ *э* и *о*; второе — только изъ знаковъ *э* и *о*. Затѣмъ первое ö употреблено въ словѣ ök-бэй (на 6-й строкѣ отъ конци, послѣ и-джи), а второе начертаніе уже не повторяется, ни въ нашемъ текстѣ, ни въ текстѣ Габеленца.

Изображеніе мягкой буквы ӳ встрѣчается въ нашемъ текстѣ (на 6-й строкѣ) дважды, въ начальныхъ буквахъ словъ ӳ-лӳ ӳ-дзэнъ. Оно составлено, подобно мягкому ö, изъ тибетскаго представителя гласной (𑖀) и изъ знаковъ *э* и *у*. Это начертаніе начальнаго мягкаго ӳ повторяется потомъ во многихъ словахъ, но въ среднихъ слогахъ и послѣ согласной въ монгольскихъ словахъ не употребляется; въ китайскомъ-же словѣ кӳнг-го-на, оно имѣетъ начертаніе подобное мягкому ö послѣ согласной, то-есть, теряя тибетское 𑖀, состоитъ только изъ знаковъ *э* и *у*.

Итакъ, составитель квадратнаго алфавита имѣлъ въ виду что пяти тибетскихъ гласныхъ недостаточно для выраженія гласныхъ звуковъ монгольскаго языка, и потому изобрѣлъ особыя сочетанія для выраженія мягкихъ звуковъ ö и ӳ, употребляемыхъ въ монгольскомъ языкѣ, но неизвѣстныхъ, по-крайней-мѣрѣ по письменности, въ тибетскомъ языкѣ. Его знакъ для выраженія мягкаго ö можетъ быть выраженъ калмыцкимъ 𑖀, а для ӳ — 𑖀; въ монгольскомъ-же алфавитѣ они изображаются въ началѣ и срединѣ слова одинаково: въ началѣ — 𑖀, въ срединѣ 𑖀, и въ семъ-послѣднемъ

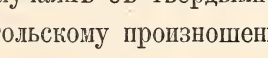
случаѣ смѣшиваются съ гласными *о* и *у*, изображаемыми точно такъ же въ срединѣ слова. Но это смѣшеніе ихъ не дѣлаетъ большихъ затрудненій при чтеніи — по извѣстной связи гортанныхъ буквъ этого алфавита съ гласными, при связи всего слова непрерывною чертою, при законахъ языка относительно раздѣленія словъ на твердыя и мягкія, и при послѣдовательности гласныхъ, по которому *а* и *о*, *э* и *ӧ* не могутъ стоять рядомъ въ двухъ слогахъ.

Въ употребленіи этихъ двухъ мягкихъ гласныхъ замѣчается слѣдующее правило: онѣ опредѣляютъ только первый слогъ слова, а слѣдующій пишется уже съ твердою гласною, смягченіе которой опредѣляется уже первою гласною; примѣры: въ словѣ ӱлӱ (на 4-й строкѣ текста) первая гласная написана въ видѣ ӱ, а вторая — какъ твердое *у*, тогда-какъ онѣ въ языкѣ произносятся обѣ за мягкія ӱ; въ словѣ ӧ-гунъ (на 5-й строкѣ) первая гласная *ӧ*, а вторая твердое *у*, тогда-какъ по законамъ монгольскаго языка онѣ не могутъ сходиться въ одномъ словѣ, почему послѣднюю должно читать за ӱ; на слѣдующей строкѣ такой же случай въ словѣ ӱлӱ; на дальнѣйшей строкѣ опять повторяется ӧ-гунъ, т. е. послѣ мягкаго *ӧ*, слѣдуетъ твердое *у*; на 5-й строкѣ отъ конца въ словѣ ӧктугэй, послѣ мягкаго *ӧ* изображено твердое *у*; и т. д.

Исключеніе составляетъ изображеніе слова ӧ-тӧгу-сэ (на 4-й строкѣ), гдѣ мягкое *ӧ* повторено дважды. Вѣроятно такъ подсказало произношеніе, потому что слѣдующій слогъ гу, составленный съ твердою гла-

сною, опять соотвѣтствуетъ монгольскому правилу что должно опредѣлять произношеніе только перваго гласнаго звука, а слѣдующіе должны произноситься уже по нему. Потому здѣсь должно читать не твердое *y*, а мягкое.

Это приводитъ къ тому заключенію что составитель письма въ-отношеніи къ изображенію мягкихъ буквъ руководствовался правилами уйгуро-монгольскаго письма, которое мягкость произношенія первой гласной обозначаетъ, а вторую гласную уже не обозначаетъ, очевидно, разсчитывая на то что связка всѣхъ слоговъ слова, въ этомъ письмѣ, непрерывною линіею должна опредѣлять значеніе всѣхъ послѣдующихъ гласныхъ. Но квадратный алфавитъ былъ не въ правѣ воспользовался этимъ закономъ: изображая слоги, а не слова, онъ долженъ бы былъ точнымъ образомъ опредѣлять произношеніе каждаго слога.

Затѣмъ замѣчается что слова куцу бу кургэтугэй изображены во всѣхъ случаяхъ съ твердыми гласными, тогда-какъ по монгольскому произношенію здѣсь во всѣхъ случаяхъ ӱ мягкое, и изображается  .

Можно-бы и еще кое-что замѣтить въ квадратномъ правописаніи, но мы считаемъ достаточнымъ и этихъ утомительныхъ замѣчаній чтобы изъ сдѣланнаго анализа предложить слѣдующее о немъ заключеніе.

Алфавитъ этотъ составленъ изъ тибетскихъ знаковъ подъ вліяніемъ китайскаго письма и уйгуро-мон-

гольской ороографіи, съ оффиціальною цѣлію грамматически уточнить произношеніе монгольскихъ звуковъ (безъ яснаго ихъ пониманія), и съ секретною — навязать тибетское письмо монгольскому языку и юаньской династіи. Это — затѣя тибетскаго папизма, очень похожаго на нашъ европейскій. Но какъ письмо это неудобно, и въ филологическомъ отношеніи далеко уступаетъ уйгуро-монгольскому, еще прежде вошедшему въ употребленіе, то оно и не могло привиться къ Монголамъ, а держалось нѣсколько времени лишь въ оффиціальныхъ документахъ, подъ покровительствомъ ламъ, великихъ государственныхъ учителей, имѣвшихъ вліяніе при Дворѣ.

12. Но за изложеннымъ нелишне, кажется, прибавить здѣсь еще замѣтку о квадратномъ алфавитѣ изданномъ покойнымъ Банзаровымъ[1]. Этотъ алфавитъ, заимствованный имъ изъ сочиненьица находящагося въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента подъ № 590, онъ призналъ за подлинный алфавитъ Пагбы (на томъ основаніи что онъ въ книжкѣ, изъ которой заимствованъ, названъ «монгольскимъ»), и сближаетъ изображеніе его съ заглавными буквами изданной нами грамоты вдовы Дарма-баловой.

Что связь между алфавитомъ изданнымъ Банзаровымъ и тѣмъ квадратнымъ алфавитомъ которымъ написана означенная грамота и ярлыкъ изданный Габе-

[1] Въ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg, T. V, № 4. (1848).

ленцемъ, дѣйствительно существуетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но признавать его за подлинный или точнѣйшій монгольскій алфавитъ Пагбы — никакъ нельзя. И составъ этого алфавита, и примѣръ письма этимъ алфавитомъ приведенный у Банзарова, ясно показываютъ что хотя это алфавитъ и квадратный, и монгольскій, но составленъ не для изображенія словъ монгольскихъ, а для изображенія словъ тибетскихъ, въ монгольскомъ квадратномъ письмѣ. Изъ нашей грамоты и изъ ярлыка Габеленца видно что былъ и еще подобный, дополнительный къ монгольскому квадратному, алфавитъ составленный для выраженія словъ китайскихъ въ монгольскомъ квадратномъ письмѣ. Это видно изъ заголовка императрицыной грамоты и на второй строкѣ ея, въ особенномъ изображеніи звука *x* въ слогѣ хуангъ, и особенномъ *y* въ слогѣ хіу, которыя не употребляются въ изображеніи словъ монгольскихъ. Далѣе, въ китайскихъ словахъ встрѣчаются еще нѣсколько знаковъ, заимствованныхъ изъ тибетскаго алфавита или придуманныхъ, но не употребляемыхъ въ изображеніи словъ монгольскихъ, и неизвѣстныхъ изъ алфавита изданнаго Банзаровымъ, а потому очевидно назначенныхъ только для изображенія китайскихъ звуковъ[1]. Можетъ быть, былъ составленъ и еще ал-

[1] Съ первымъ обрасчикомъ квадратнаго монгольскаго письма для передачи звуковъ китайскаго языка познакомилъ насъ о. Іакинѳъ Бичуринъ въ своемъ «Статистическомъ Описаніи Китайской Имперіи» (Спб. 1842). См. таблицу снимковъ приложенную ко II-му тому этого сочиненія, столбецъ III. Затѣмъ, въ 1862 г.,

фавитъ квадратный для изображенія звуковъ санскритскихъ, потому что подобные алфавиты есть и въ уйгуро-монгольскомъ письмѣ.

Для объясненія этой нашей мысли всмотримся ближе въ алфавитъ изданный Банзаровымъ. Онъ сначала представляетъ собою квадратную перепись простыхъ буквъ тибетскаго алфавита, совершенно въ томъ самомъ порядкѣ какой даютъ имъ Тибетцы, а затѣмъ приложено восемь образчиковъ сочетанія буквъ съ гласными знаками и съ подписнымъ тибетскимъ ཡ. Одно уже это доказываетъ что алфавитъ о которомъ идетъ рѣчь назначенъ не для изображенія монгольскихъ словъ, потому что звуки тибетскаго языка не соотвѣтствуютъ монгольскимъ. Такъ въ монгольскомъ языкѣ нѣтъ двухъ звуковъ соотвѣтствующихъ тибетскимъ ཅ и ཙ, *ч* и *тч*, а лишь одинъ звукъ *ч*, который въ нашей грамотѣ и Габеленцовомъ ярлыкѣ изображается буквою взятою съ тибетскаго ཙ, и болѣе похожею на нее чѣмъ *тч* алфавита изданнаго Банзаровымъ; затѣмъ ཉ нья, ཙ tца, ཛ дза, ཝ ва, ཞ жа, и всѣ буквы сложенныя съ подписнымъ *я*, не могутъ имѣть употребленія въ изображеніи монгольскихъ словъ. Далѣе, нѣтъ буквы ཟ употребляемой, въ похожемъ совершенно на тибетское

Потьѐ издалъ, въ Journal Asiatique, обширную китайскую надпись изображенную монгольскими квадратными письменами, надпись сохраняющуюся въ храмѣ Конфуцію, въ Сунъ-цзянъ-фу. Этой статьи г. Потьѐ покойный Бобровниковъ, къ-сожалѣнію, не имѣлъ подъ рукою, работая надъ настоящимъ трудомъ, и, вѣроятно, даже не зналъ о ея существованіи. *В. Г.*

начертаніи, какъ въ грамотахъ изданныхъ мною и Габеленцемъ, такъ и въ обоихъ извѣстныхъ папзѐ; нѣтъ знаковъ, употребляемыхъ въ нашей и Габеленцевой грамотахъ, для выраженія мягкихъ гласныхъ *ö* и *ÿ*; нѣтъ *й*. Далѣе подписное тибетское ཡ་ пишется такъ же какъ знакъ *э* въ нашей грамотѣ и, очевидно, примѣняясь къ тибетскому начертанію этой буквы въ видѣ подписной ྱ; *э*-же пишется въ видѣ нѣсколько искривленной горизонтальной черты, каковое изображеніе ея въ извѣстныхъ квадратныхъ письменахъ нигдѣ не употребляется.

Итакъ, кажется, ясно что этотъ алфавитъ, хотя тоже квадратный, назначенъ для изображенія словъ не монгольскихъ, а тибетскихъ.

Примѣръ чтенія, соображаясь съ алфавитомъ для него и держась въ-точности этого алфавита, должно изобразить тибетскими буквами такъ: འཇམ་ | གྱེན་ || བག་ཕྱུ་|ས་འབངས་| Транскрипція эта не согласна съ транскрипціею Банзарова, но она вполнѣ согласна съ изданнымъ имъ алфавитомъ, и если не даетъ смысла, то виноваты не мы, а составитель примѣра. Банзаровъ знакъ *э* читалъ за *р*, очевидно примѣняясь къ смыслу; слѣдующій за знакомъ ཀ་ знакъ читалъ за тибетскій ་, тогда-какъ подобный знакъ въ изданномъ имъ алфавитѣ изображаетъ подписное тибетское ཡ, и только въ нашей и изданной Габеленцемъ грамотахъ означаетъ *э*. Въ тибетскомъ правописаніи сочетаніе ཀ съ ཡ представляетъ

безсмыслицу, потому что, сколько извѣстно намъ это правописаніе изъ «Дабхуръ-лакба», подписное тибетское ཡ не вяжется съ этою буквою; но что-же дѣлать, когда алфавитъ на лицо! Затѣмъ Банзаровъ букву ཡ, перенесенную на другую строку, связываетъ съ предшествующею строкою въ одинъ слогъ, а по правиламъ квадратнаго письма ихъ не должно было-бы раздѣлять, если онѣ стоятъ въ одномъ слогѣ. Далѣе транскрипція наша согласна. А что̀ значитъ вся эта фраза, судить мы не можемъ. Два послѣдніе квадратика объясняются въ «Дабхуръ-лакба» такъ: རྒྱབ་ значитъ ཕམ་པ་ལག, что̀ г. Ковалевскимъ переведено словами: «биться сильно», «дрожать», «кипѣть». གཅིག་ значитъ རྐྱང་, «одинъ». По этому можно заключить что весь этотъ примѣръ есть наборъ словъ безъ связи и мысли, составленный съ единственною цѣлью дать образчикъ изображенія и вязи буквъ въ строкѣ. Первыхъ двухъ строкъ мы не нашли въ «Дабхуръ-лакба», и, судя по вязи ཀ съ ཡ, вѣроятно не найти ихъ и ни въ какомъ лексиконѣ.

Какъ на особенность этого письма, Банзаровъ указываетъ на сочетаніе буквъ вертикальною чертою въ срединѣ; но эта манера извѣстна и въ нашихъ грамотахъ, именно на буквѣ *о*, которая, для притяженія къ себѣ слѣдующей согласной въ одинъ слогъ, изображается съ вертикальною черточкою по срединѣ. Довольно указать для примѣра на слова: хуангъ (въ на-

шей грамотѣ первое на второй строкѣ), jör-чи-гунъ (на четвертой), ök-бэй (на тринадцатой). Въ примѣрѣ орѳографіи изданномъ Банзаровымъ, эта вертикальная черточка употреблена пять разъ: въ первый разъ для связи тибетскаго  съ , во второй разъ для связи тибетскаго  съ , далѣе — того же *б* съ буквою  ; затѣмъ (3-й квадратъ)  съ  , и *у* съ *р.*; въ послѣднемъ квадратѣ — для связи  съ гласнымъ знакомъ *и*. Затѣмъ, еще въ томъ же примѣрѣ, есть шесть связокъ буквъ съ правой стороны. Итакъ, это варіанты не установившагося правописанія.

Что-же касается до сходства между письмомъ этого примѣра и заголовкомъ изданной нами грамоты, то хотя сходство это и существуетъ, но не совсѣмъ близкое, потому что въ этомъ примѣрѣ письма нѣтъ такихъ вычурныхъ изображеній буквъ какія находятся въ заголовкѣ изданной нами грамоты. А что и это письмо есть фигурное, а не нормальное квадратное, показываетъ изображеніе буквы *у* въ 3-мъ столбцѣ, которая изображена далеко не такъ какъ въ самомъ алфавитѣ: тамъ она изображена въ видѣ изогнутаго крючка, а здѣсь изгибъ ея замѣненъ сочетаніемъ линій подъ прямыми углами.

Наконецъ, при сличеніи обрасчиковъ квадратнаго письма, не должно терять изъ виду что каждый писецъ, а за нимъ и рѣщикъ на деревѣ, камнѣ или металлѣ, вносилъ въ это письмо свой вкусъ каллиграфическій; этимъ именно, кажется мнѣ, должно объяснить

нѣкоторую особенность пріемовъ письма въ изданномъ Банзаровымъ алфавитѣ, противъ письма изданной нами грамоты и другихъ извѣстныхъ памятниковъ. Но если есть вѣроятность въ которомъ-либо памятникѣ видѣть письмо болѣе точное, и какъ-бы нормальное, то конечно его должно искать въ письмѣ паизъ, потому что небольшія надписи на благородномъ металлѣ, и еще на одномъ паизѣ съ позолотою, конечно дѣлались съ бо̀льшею тщательностію и болѣе искусными рѣщиками чѣмъ обыкновенные рѣщики на деревѣ, замѣняющіе въ Китаѣ нашихъ наборщиковъ.

Это предположеніе поддерживается еще тѣмъ что въ паизахъ нѣтъ описокъ, и всѣ буквы очень точно и ясно написаны, чего нельзя сказать ни объ изданной нами грамотѣ, ни объ алфавитѣ Банзарова, ни, тѣмъ еще болѣе, объ ярлыкѣ Габеленца.

IV. Надпись Мангутской Пещеры.

Г. Юренскій, снявшій эту надпись, незнакомъ съ восточными языками; а если онъ незнакомъ съ восточными языками, такъ, конечно, былъ незнакомъ и съ квадратнымъ монгольскимъ письмомъ. Трудно предполагать чтобы незнакомый, ни съ языкомъ, ни съ письмомъ, могъ въ-точности снять надпись, особенно вывѣтрившуюся, или, точнѣе, вымытую дождями. Его способъ намачиванія, конечно, достоинъ всякой похвалы,

но нельзя не предположить что, при томъ же способѣ, знакомый съ этимъ письмомъ имѣлъ-бы возможность скопировать болѣе.

На снимку надписей подъ пещерою г. Юренскій употребилъ семь часовъ работы. Изъ этихъ часовъ, должно полагать, не малая часть была имъ употреблена на снимку санскритскаго омъ мани бадъ мэ хумъ, трехъ словъ уйгурскихъ (до которыхъ пока намъ нѣтъ дѣла), на разсмотрѣніе 27-ми строкъ уйгурскихъ (намъ еще неизвѣстныхъ) и, наконецъ, на снятіе китайскихъ письменъ. Банзаровъ, знатокъ монгольскаго языка и всякой его палеографіи, чтобы тщательно снять высѣченную надпись со стариннаго камня, всего въ пять строкъ, писанную извѣстными ему буквами, употребилъ около трехъ мѣсяцевъ, каждодневно посѣщая для того сѣни Азіатскаго Музея, гдѣ находится этотъ камень. Можно по этому судить, чего должно ожидать отъ снимка г. Юренскаго. Конечно онъ неполонъ, какъ говорилъ и самъ г. Юренскій, и неточенъ.

Эти два соображенія даютъ намъ право на самыя широкія предположенія при чтеніи снимка сдѣланнаго г. Юренскимъ. И если предположенія эти доставятъ какое-нибудь приблизительное объясненіе надписи, то нельзя не быть благодарнымъ г. Юренскому за его трудъ.

Итакъ, приступимъ къ объясненію надписи, разбирая слогъ за слогомъ.

Строка первая.

1-й слогъ мы читаемъ хунъ, предполагая что первая буквая есть тибетское  , употребляемая въ такомъ же значеніи и въ другихъ квадратныхъ памятникахъ, а здѣсь, можетъ быть для скорописи, нѣсколько закругленная. Во второй буквѣ видимъ уйгурское *у*; въ третьей — тибетское  , т. е. носовое *н*.

2-й слогъ читаемъ тай. Первая буква *т*, хотя изображенная кругловато и, какъ видно, за одинъ почеркъ, есть несомнѣнно тибетское  , употребляемое въ такомъ же слогѣ въ изданной нами грамотѣ. На основаніи законовъ квадратнаго письма, мы соединяемъ съ ней гласный звукъ *а*, а дальнѣйшую букву считаемъ за уйгуро-монгольское *и*, конечное, т. е. *й*.

Въ 3-мъ слогѣ ближе всего видѣть тибетское  , въ его квадратной формѣ, соединенное съ уйгурскимъ гласнымъ знакомъ *и*.

Итакъ, пусть будетъ это пока хунъ-тай-джи.

Слѣдующіе три слога, или знака, мы прочитать не умѣемъ, и если можемъ объ нихъ сдѣлать какое-нибудь предположеніе, такъ развѣ то, что въ нихъ неизвѣстными намъ знаками выражено собственное имя хунъ-тай-джія. Но въ среднемъ слогѣ замѣчателенъ маленькій значекъ въ видѣ *г*, который, конечно, можетъ обозначать только уйгуро-монгольское конечное *с*.

7-й слогъ представляетъ тибетскую букву  (*а*), не совсѣмъ отчетливо написанную, или полусмывшуюся.

8-й слогъ есть безспорно тибетское  , по законамъ тибетскаго языка, безъ особаго знака гласной, произносимое за *ра*.

Итакъ, въ этихъ двухъ послѣднихъ слогахъ мы имѣемъ слово ара. Это ара есть безъ сомнѣнія аранъ, «человѣкъ», грамотъ изданныхъ Габеленцемъ и мною, потому что конечное *н*, какъ вообще въ монгольскихъ словахъ, не есть коренная согласная буква и не существенно для значенія слова.

Слѣдующій (9-й) слогъ читается изъ квадратнаго письма безъ всякаго затрудненія: это ба. Монгольская частица ба опредѣляется монгольскою самородною грамматикою, извѣстною подъ названіемъ «Джирукэнутолто», выраженіемъ илгаху ӱгэ, «слово раздѣлительное», или «различительное»; по-русски же частица эта всегда переводится *и*. Итакъ, эта раздѣлительная частица даетъ намъ основаніе заключить что за «людьми» должно находиться слово въ какомъ-нибудь отношеніи ему противуположное.

Дальнѣйшій (10-й) слогъ есть ясное квадратное или тибетское  да.

11-й слогъ нельзя объяснить изъ квадратнаго алфавита; но онъ представляетъ собою такъ отчетливо изображенное монгольское конечное  *и*, пишущееся на отбросъ, что кажется нѣтъ сомнѣнія что это буква уйгуро-монгольская, и значитъ *и*.

Послѣдній (12-й) слогъ 1-й строки читается ясно: это квадратное на.

Такимъ образомъ, изъ трехъ слоговъ слѣдующихъ за раздѣлительною частицею ба, составляется: да-ц-на, что̀ можно изобразить монгольскимъ алфавитомъ ᠳᠠᠢᠨ, «врагу», или «врагамъ».

Связывая смыслъ этого слова съ предшествующимъ отдѣленнымъ (а по-нашему соединеннымъ) отъ послѣдняго частицею *и*, получаемъ выраженіе: «человѣку и врагу», или «людямъ и врагамъ» (потому что знакъ числа здѣсь, какъ и вообще въ монгольскомъ языкѣ, въ подобныхъ случаяхъ ничего не значитъ), иначе — «своимъ и чужимъ».

Строка вторая.

Два слога составляющіе эту строку чрезвычайно-трудны. На основаніи предшествующаго текста надобно искать въ этихъ словахъ техническое названіе документа который даетъ какой-то «хунъ-тай-джи людямъ и врагамъ» (т. е. «своимъ и чужимъ»). Первая буква перваго слова должна быть тибетская ག, ха или га; слѣдующій за нею полукругъ можно объяснять квадратнымъ *э*, изображеннымъ въ видѣ скобки; прицѣпленный къ ней хвостикъ можно объяснять тибетскимъ подписнымъ *р*. Итакъ, положимъ, первый слогъ будетъ кэр или гэр. Во второмъ слогѣ нельзя видѣть тибетскаго *р*, потому что, какъ видно изъ предшествующей строки, отдѣльное *р* въ надписи этой пишется совершенно похоже на тибетское начертаніе его ར, т. е. съ вертикальною связкою посрединѣ горизонтальныхъ ли-

ній, а не вкось; ближе всего буква эта походитъ на уйгуро-монгольское *с*, какъ оно изображается въ концѣ слова. Если видѣть въ этомъ *с*, по правиламъ квадратнаго письма, слогъ, то должно читать его са.

Что-же будетъ изъ кэр-са, или гэр-са? Конечно, нельзя видѣть въ этихъ словахъ, ни дзарликъ «ярлыкъ», или дзаръ, «объявленіе», ни бичикъ, «письмо», ни угэ, «слово», ни китайское иджи; да ни одно изъ этихъ значеній и нейдетъ къ дѣлу: ярлыка, или иджи, ханскихъ документовъ, не могъ дать хунъ-тай-джи; «объявленіе», «письмо» нейдутъ ко «врагамъ». За исчисленными выше терминами, мы не умѣемъ къ тексту и буквамъ подобрать слова ближе какъ гэрэсъ, по монгольскому правописанію  ,  , по калмыцкому-же  ,  . Слово это означаетъ послѣднее дѣйствіе умирающаго, послѣднее его желаніе, послѣднія его слова, духовное завѣщаніе, послѣднія его удовольствія жизни, послѣдній кусокъ хлѣба, послѣдній глотокъ воды и проч. Но въ переносномъ смыслѣ оно можетъ имѣть значеніе «клятвы», или точнаго рѣшенія воли человѣка которому онъ обязуется слѣдовать во всю жизнь, до смерти.

Итакъ, положимъ что вторая строка значитъ «завѣтъ».

Строка третья.

Первый слогъ этой строки ясно читается изъ квадратнаго алфавита: это — ху.

Во второмъ слогѣ узнается только тибетское ཧ, *б*, оно же и *в*; а росчеркъ и крючекъ за нимъ — только съ большимъ усиліемъ воображенія можно признать за тибетское *р*.

Но надпись находится подъ пещерой, гдѣ очевидно былъ буддійскій храмъ; надъ квадратною надписью стоитъ санскритское буддійское изрѣченіе «омъ-ма-ни-падъ-мэ-хомъ»; потому она должна быть въ связи съ буддійскимъ духовенствомъ, названіе котораго и должно искать по монгольской конструкціи въ этой строкѣ.

Предположимъ-же что эта строка начиналась словомъ хуваракъ; это — общее названіе буддійскихъ духовныхъ, безъ различенія ихъ степеней.

Строка четвертая.

Первое слово этой строки, заключающейся въ пяти буквахъ, о. Аввакумъ прочелъ нутукъ; послѣ такого авторитета, я не считаю себя вправѣ защищать это чтеніе анализомъ буквъ. Обращу только вниманіе на квадратную орѳографію этого слова. Въ этомъ словѣ оба *у* съ своими согласными не связаны, и *к* стоитъ особо, такъ-что можно бы было принять его за отдѣльный слогъ ка, или ха. Это отступленіе отъ орѳографіи извѣстныхъ квадратныхъ документовъ можно объяснить и тѣмъ, что г. Юренскій не замѣтилъ связывающихъ черточекъ; но вѣроятнѣе объяснить тѣмъ, что писецъ не строго соблюдалъ квадратную орѳогра-

фію, и писалъ вольно, или плохо; послѣднее имѣетъ болѣе вѣроятности, потому что, и строки, и буквы, искривлены.

Слѣдующее слово этой строки мы разбираемъ такъ: первая буква перваго слова есть очевидно тибетское  ; къ нему присоединена квадратная гласная *э*, изображаемая въ видѣ скобки, но здѣсь закругленная, по манерѣ писца. Итакъ, этотъ слогъ значитъ дэ.

Слѣдующій слогъ очень походитъ на тибетское *м* съ подписною *j*, т. е.  . Такимъ образомъ является слово дэмья или дэнья.

Но если мы уже обѣщались дѣлать предположенія, то почему не предположить что писецъ подписною *j* хотѣлъ выразить не согласную, а гласную букву *и*: тогда мы прочитаемъ слово дэм-и, уже извѣстное намъ изъ грамотъ и поставленное въ винительномъ падежѣ.

Такимъ образохъ вся эта строка будетъ значить: «жилища» (или «кочевья») и «житницы» (поставленныя въ винительномъ падежѣ).

Строка пятая.

Въ этой строкѣ читается только одинъ слогъ — первый и, кажется, единственный. Слогъ этотъ ясно состоитъ изъ квадратнаго *ч*, и уйгуро-монгольскаго *и*: выходитъ — чи.

За этимъ чи, на значительномъ разстояніи, находятся еще нѣсколько значковъ, въ видѣ крючковъ, ско-

бочекъ, точекъ и черточекъ, которые не объясняются, ни изъ квадратнаго, ни изъ уйгурскаго письма. Если значки эти принадлежатъ къ 5-й строкѣ текста который мы разбираемъ, то они должны быть очень отрывочные остатки письменъ, для возстановленія которыхъ нужно слишкомъ много художественнаго воображенія.

Ограничимся слогомъ чи. Чи значитъ «ты», значитъ «и также», но ни одно изъ этихъ значеній не прилагается къ дѣлу; тѣмъ болѣе трудно изъ этого одного чи сдѣлать цѣлую строку. Остается предположить что чи есть только начало какого-нибудь слова, и что̀же ближе предположить, какъ не слова чирикъ, «воинъ», «войско». Въ самомъ дѣлѣ, если завѣщаніе хунъ-тай-джи людямъ и врагамъ имѣло какой-нибудь смыслъ полезный для кочевьевъ и житницъ хувараковъ, то оно не могло обойтись безъ слова чирикъ, «войско», которое могло, или грабить ихъ, или защищать.

За словомъ чирикъ могло быть далѣе написано: ирэджу, олдзойджу бугэ̄су, «пришедши, грабя если будетъ», или что̀-нибудь другое, похожее, или не похожее, словомъ бѣлая строка — широкое поле для фантазіи археологовъ.

Строка шестая.

Строка эта читается просто: нӳкэйи «будемъ преслѣдовать», и не требуетъ большихъ объясненій. Первое *н* — ясно квадратное, передѣланное изъ тибетскаго

; подъ нимъ — знакъ *у*, также тибетскій, или квадратный; только онъ прицѣпленъ къ срединѣ слова, и выведенъ не горизонтально, а внизъ. Это легко можно объяснить скорописью, или неловкостью писца. А если прiискивать для такой орѳографіи объясненіе помудренѣе, то можно предположить что писецъ, пустивши росчеркъ означающій *у* внизъ, хотѣлъ обозначить мягкое его произношеніе въ этомъ случаѣ.

Въ слѣдующемъ слогѣ первая буква — тибетская = *к*; вторая — квадратная, извѣстная гласная *э*.

Третій слогъ состоитъ изъ одной ясно-написанной тибетской буквы = *j*.

Строка седьмая.

На этой строкѣ въ первой буквѣ узнаёмъ мы тибетское = *б*; затѣмъ въ крючкѣ предполагаемъ или тибетское подписное = *j*, изображаемое по тибетскому алфавиту въ видѣ , или квадратное конечное *й*, образовавшееся также изъ тибетскаго начертанія и извѣстное, на-примѣръ, въ изданной нами грамотѣ, изъ слова дӯлгахуй. Выходитъ что первый слогъ можно читать бай.

Какъ ни наряжена подвѣсками буква втораго слога, нельзя не узнать въ ней тибетскаго = га.

Итакъ, эта строка даетъ намъ монгольское слово байга, что̀ значитъ «остановись», «не трогай».

Строка осьмая.

Здѣсь первое слово начинается тибетскою буквою; а за этою буквою слѣдуетъ зубчикъ, который, если дѣйствительно изображенъ онъ на скалѣ такъ какъ въ снимкѣ, нельзя ни за что другое принять какъ за уйгуро-монгольское *а*; за этимъ словомъ ясное опять уйгуро-монгольское *с*. Выходитъ хасъ, или, чтобы монгольское *а* не пропадало даромъ, хаасъ.

Что-же могло значить это слово? Если уже пустились на предположенія, почему не предположить что это — усвоенное Татарами арабское кагасъ, «бумага»? Или почему не предположить что на какомъ-нибудь бурятскомъ нарѣчіи говорили и говорятъ, вмѣсто цāсунъ, «бумага» по-монгольски — хāсунъ, или сокращенно хāсъ, на томъ основаніи что окончаніе унъ несущественно, не принадлежитъ къ корню. Буква *ц* очень можетъ перейти въ *с*, а Буряты изъ *с* дѣлаютъ *х*.

Слѣдующее слово этой строки, нѣсколько отставленное отъ хāсъ, о. Аввакумъ прочиталъ сараинъ, «луны», и чтеніе это не подлежитъ никакому сомнѣнію; даже и буква *с* въ этомъ словѣ имѣемъ такое же, почему-то особенное, начертаніе, какое видимъ у того же слова сара въ грамотахъ изданныхъ нами и Габеленцемъ.

Въ правописаніи этого слова есть маленькая неправильность, такая же какую мы замѣтили въ словѣ нутукъ, а именно — послѣднее *н*, не соединно съ *йи*, а стоитъ отдѣльно, представляя какъ-бы особый слогъ, такъ-что слѣдовало-бы строго читать, сарайина.

Да и не по одному этому замѣтно что писецъ плохо зналъ квадратную ороографію; это не удивительно: и въ Китаѣ, гдѣ создали ее тибетскіе ламы, она едва-ли всѣмъ была хорошо извѣстна, а мангутскій хуваракъ, можетъ быть бурятъ родомъ, могъ лишь случайно познакомиться съ этимъ письмомъ при какомъ-нибудь путешествіи въ Китай, хоть, напримѣръ, въ свитѣ того же благодѣтеля хунъ-тай-джи, ѣздившаго на поклонъ къ Императору, и совершенно не овладѣлъ этимъ письмомъ. А между-тѣмъ, чтобы придать больше важности и оффиціальности завѣту хун-тай-джія, онъ захотѣлъ изобразить его квадратнымъ письмомъ, на манеръ грамоты которую мы издали, и которую онъ, можетъ быть, видѣлъ высѣченною на камнѣ, что, можетъ быть, и подало ему мысль завѣтъ хун-тай-джія передать на скалѣ. Мудрено-ли послѣ этого, что онъ плохо изображалъ квадратныя буквы, ошибался въ квадратной орѳографіи, и съ квадратнаго письма, мало употребительнаго, сбивался на общеупотребительное уйгуро-монгольское.

Эту общую замѣтку о правописаніи и чистописаніи этой надписи мы вставляемъ послѣ 8-й строки потому, что далѣе, послѣднюю строку, мы вовсе не умѣемъ прочесть О. Аввакумъ прочиталъ въ ней омъ-а-хунъ, а мы видимъ въ первомъ слогѣ нѣчто похожее на ни, и болѣе ничего.

Соберемъ во-едино всѣ вышеизложенныя замѣтки, и сдѣлаемъ заключеніе каковъ долженъ быть, судя по

этимъ отрывочнымъ словамъ, вѣроятный смыслъ полной надписи. Вотъ онъ:

1. Хунтайджи (такой-то) людямъ (мнѣ подвластнымъ) и врагамъ.
2. Обѣтъ (или клятва моя да будетъ извѣстна).
3. На хуваракамъ принадлежащія
4. жилища и житницы
5. если кто придетъ съ войсками и ограбитъ,
6. мы будемъ преслѣдовать и накажемъ.
7. Не трогайте (ихъ).
8. Бумагу такого-то года, такого-то
9. мѣсяца,
10. такого-то числа, находясь
11. на такомъ-то мѣстѣ,
12. написали.

При предположеніи такого содержанія надписи, наберутся всѣ 11 строкъ, или лучше 12, или даже 13 строкъ текста; потому что, по всей вѣроятности, г. Юренскій ошибочно слово хаасъ, «бумага», считаетъ въ одной строкѣ со словомъ сараинъ, «луны». Передъ «луною» должны быть годъ и число луны, что̀, конечно, не могло помѣститься въ оставленномъ имъ пробѣлѣ, а должно составлять, или особую строку, или быть продолженіемъ строки начинающейся словомъ хаасъ.

Предлагая это кажущееся намъ вѣроятнымъ толкованіе надписи на Мангутской Пещерѣ, мы еще не думаемъ что порѣшили съ нею дѣло. Какъ ни частна и ни незначительна эта надпись (если только мы сколько нибудь отгадали ея содержаніе), она должна имѣть зна-

ченіе для исторіи Монголіи, нашего Забайкалья, и исторіи Буддизма въ немъ, если-бы прочитать въ ней имя хунтайджія, и годъ когда онъ далъ свой завѣтъ; но мы перваго прочитать не умѣемъ, а втораго не нашли. Безъ этого, чтеніе текста, какъ-бы оно ни было точно, не имѣетъ еще значенія для науки. Желательно былобы чтобы, или самъ г. Юренскій, или кто-нибудь другой, принялъ на себя трудъ свѣрить снимокъ служившій основаніемъ нашей работы — съ подлинникомъ: тогда нашъ разборъ, пополненный недостающими данными, получилъ-бы хотя нѣкоторое значеніе, въ качествѣ указателя вопросовъ для историческихъ изслѣдованій.

[Законченный такимъ образомъ превосходный трудъ А. А. Бобровникова написанъ былъ имъ въ Оренбургѣ, въ 1861 году. Оставалось только перебѣлить черновую рукопись и отослать ее для напечатанія, какъ предполагалъ авторъ, въ «Извѣстія Имп. Археологическаго Общества»; но прежде чѣмъ это было исполнено, 8 марта 1865 года онъ умеръ. По кончинѣ его, другъ покойнаго, Н. И. Ильминскій, знавшій о существованіи этого труда, принялъ всѣ возможныя мѣры къ отысканію рукописи, и добывши ее, въ томъ черновомъ видѣ въ какомъ лежала она съ 1861 года, прислалъ ее мнѣ въ началѣ октября 1865 года. Съ этого экземпляра и печаталась статья. — Желающіе познакомиться ближе съ личностью и замѣчательными трудами покойнаго Бобровникова, безъ сомнѣнія даровитѣй-

шаго изо всѣхъ бывшихъ у насъ монголистовъ, найдутъ достаточный для того матеріалъ въ «Воспоминаніяхъ объ Алексѣѣ Александровичѣ Бобровниковѣ» напечатанныхъ Н. И. Ильминскимъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Казанскаго Университета за 1865 годъ. В. Григорьевъ].

EB 0 1939

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 335 018 5